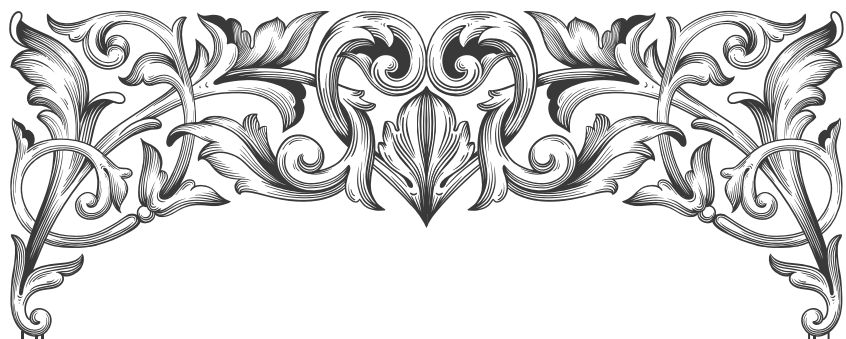

Во время войн спартанцы носят
одежды красного цвета... Если
кто из спартанцев бывает ранен,
врагам этого незаметно, так как
сходство цветов позволяет скрыть
кровь.

ПЛУТАРХ

БЕЛАЯ ЕЛЬ
АЛАТСКАЯ ЛЕГЕНДА

ПРОЛОГ

F. Schubert. Serenade¹

«Шел 328 год Круга Молний, когда Виктор-Антониан, король агаров и алатов, усомнился в верности господаря нашего Матяша Медвежьи Плечи и решил укрепить союз с Алатом посредством брака племянницы своей Анны-Паолы-Рафаэлы и Миклоша, старшего сына и наследника господаря нашего...»

*Хроника монастыря
Святого Ласло Алатского*

1

Миклош осадил жеребца, любуясь на белый дворец у реки, такой непохожий на суровые алатские крепости. Любопытно, какова живущая там девица, которую, если все сладится, придется называть женой? Кошки б разодрали агарисских святош, выдумавших и навязавших добрым людям законный брак. В былые времена мужчине, чтоб обзавестись наследником, не требовалось привязывать себя к одной-единственной женщине. Старые боги ценили кровь, а не слова, любовь, а не браслет, что запросто может оказаться кандалным.

¹ Франц Шуберт. Серенада.

Вера Камша

— Красивые места, — Янош, побратим алатского наследника и знатный весельчак, с нескрываемым удовольствием глядел на цветущую равнину, — если б не агары, цены бы не было.

— Ты этого только при хозяевах не брякни, — хмыкнул Миклош. — Мы сюда не за яблоками приехали, а за агарийкой.

— Да помню я, — отмахнулся Янош. — Только из змеюки птичку не сделать. Мало в Алати красоток, чужачка занадобилась.

— Красоток и впрямь много, — согласился наследник, — на всех не женишься, а с чужачкой никому обидно не будет. И потом, ты же сам знаешь...

— Знаю. — Лицо побратима сразу поскучнело. В его семье агаров ненавидели даже больше, чем в доме господаря, но сила была на стороне короля и церкви, которой нравилось держать в одной запряжке кошку и собаку. Считалось, что Агария и Алат объединились добровольно. Как бы не так! Сидящий в Крионе хитрохвостый агар с двойной короной на плешивой голове спал и видел превратить алатов в баранов для стрижки. Зимой ему стрельнуло в голову привязать дом Мекчеи к Агарии еще крепче. Отцу предложили на выбор — либо отдать в Агарию дочь, либо женить сына на агарийке.

Витязи не торгуют сестрами и дочерьми, а жена — не стена, можно и подвинуть. Господарь при полном согласии семьи и васалов выбрал меньшее из зол. И теперь Миклош должен привезти это зло, которое зовут Анна-Паола-Рафаэла, в свой дом.

Алатский наследник задумчиво подкрутил темный ус и поправил шапку с журавлиным пером.

— Не робей, Янчи, вывернемся. Считай, что мы на охоте.

— Отродясь на мармалюц не охотился, — не смог не огрызнуться Янош. — А, была не была, пересолим да выхлебнем.

2

У Миклоша Мекчеи были черные глаза, дерзкие и веселые. Самые красивые в мире. Рафаэла смотрела в них и не понимала, как жила без алатского рыцаря почти восемнадцать лет. Подумать только, утром она едва не расплакалась, узнав о приезде жениха, а вечером готова идти в Алат пешком через все горы и реки.

— Прекрасная Рафаэла покажет мне сад? — поклонился Миклош, и отец довольно улыбнулся.

— О да, сударь, — пролепетала девушка и поднялась, благословляя родных, заставивших ее надеть лучшее платье — белое с изумрудной, в цвет глаз, отделкой. Миклош тоже улыбнулся

Белая ель

и подал обернутую плащом руку. Вздогнула, выронила хрустальный бокал мать, кто-то — Рафаэла не поняла кто — пробормотал «к счастью». Братья громко заговорили о соколиной охоте, Миклош тронул свободной рукой темный ус:

— Если прелестная Рафаэла боится, что роса намочит ее милые ножки, найдется рыцарь, готовый ее нести хоть до Рассветных садов.

Прелестная Рафаэла предпочла идти сама, хотя ноги держали плохо, а голова кружилась, как в детстве, когда она нечаянно хлебнула розового ликера. Миклош что-то говорил, она понимала и не понимала одновременно, потому что главное было в другом, в том, что *он* здесь, рядом. Он нашел ее, а ведь они могли никогда не встретиться. Как страшно!

— Что ответит моя звезда? — требовательный голос прорвался сквозь сияющую стену, отделившую Рафаэлу от ставшего вдруг прошлым мира. — Могу ли я надеяться?

На что? От нее что-то зависит, что-то важное для него? Да она отдаст все — сердце, жизнь, душу, только б он не исчез, не рассыпался белыми лепестками, как рыцари ее снов.

— Прелестная Рафаэла молчит, но молчание может значить так много. Оно может убить, а может дать жизнь.

— Что? — выдохнула девушка. — Что я должна сделать?

— Красота не может быть никому должна. — Голос алата стал хриплым, словно он был болен, или это она больна? — Но я воин, я должен знать правду. Если прекрасная Рафаэла велит мне уйти, я уйду. Я смогу жить, смогу сражаться, но мир для меня погаснет.

Она все еще не понимала, только сердце билось часто-часто. Миклош опустился на колено и склонил голову:

— Каков будет приговор?

— Приговор? — пролепетала племянница короля. — Какой приговор?

— Рафаэла отдаст мне свою руку, — рыцарь резко поднял голову, в темных глазах сверкнули золотые искры, — и сердце?

Девушка вздогнула, лунный свет разбился о шитую золотом перевязь любимого. Из раскрытых окон донеслись звуки лютни — пришел менестрель, тот самый, что пел о любви, победившей саму смерть.

— Одно слово, — потребовал ответа Миклош, — только одно. Да или нет?

— Не здесь, — Рафаэла, поразившись собственной смелости, схватила чужую руку, горячую и сильную, — не здесь. Идем.

Вера Камша

Они почти бежали через белую от ночных маков поляну, а вокруг плясали светлячки, а может, это были звезды? Миклош молчал, но, когда девушка споткнулась, подхватил ее на руки.

— Куда? — спросил алат, и агарийка, не в силах разлепить губы, махнула рукой. Вперед, туда, где заросли были всего гуще, но сквозь них упрямо светила вечерняя звезда.

— Голубка, — шептал Миклош, — белая голубка с зелеными глазами... Моя голубка...

Поляна кончилась, над ними сомкнулись усыпанные невидимыми в темноте колокольчиками ветки, пылающие щеки остудила роса. Сюда музыка не доносилось, но где-то рядом заливался соловей.

— Куда? — повторял Миклош, и Рафаэла, все еще не в силах говорить, показывала.

Заросли барбариса, поляна уже увядших примул, форелевый ручей, живая изгородь, старая акация... Девушка тронула гостя за плечо, не находя нужных слов.

— Это здесь? То, что ты хочешь мне показать?

Это здесь, но как рассказать о повязанной ночью ленте, засыпанном колодце, алой бабочке, предсказавшей счастье?

— Сударь...

— Да?

— Это... это очень старое место. Раньше тут было... были...

— Сюда приходили спутники Прежних? — в голосе Миклоша не было удивления, напротив... — В Алате много таких мест — Вешани, Радица, Сакаци...

— Они и сейчас здесь. — Она не будет иметь тайн, нет, не от супруга — от любимого, единственного, бесценного. — Миклош, я люблю тебя, только тебя и навсегда. Я умру за тебя, я... Ты — моя жизнь, я не верила... Не понимала...

— И я не понимал, — рыцарь сжал ее руку до боли, — не знаю, тут ли те, кто помнит, но кровью своей клянусь: ты будешь со мной счастлива! И будь я проклят во веки веков, если я тебя обману.

— Миклош... Я не предаю тебя, никогда не предаю. Только не тебя!

Это был ее первый поцелуй, и он был таким же, как в балладах. Нет, в четыре, в сорок четыре раза прекраснее. Стена из белых лепестков сомкнулась, отделяя двоих от пиров, разговоров, войн, боли, смерти, старости. Рафаэла смеялась, плакала, шептала что-то безумное и слышала в ответ самые нужные в мире слова, а рядом, захлебываясь от весны и радости, пел соловей.

ЧАСТЬ I

J. Brahms. Ungarische Tänz Nr 8¹

Был у господаря нашего Матяша друг и побратим Пал Кáрои. Небогатого он был роду и незнатного, но мужество и верность витязя вознесли его превыше первейших вельмож. Матяш не раз хотел пожаловать Карои за службу богатые владения, но тот отказывался. Так и шли кони Матяша и Пала рядом, пока в бою с беззаконными гайифскими разбойниками Карои не был тяжело ранен. Смерть пощадила витязя, но он ослеп. Матяш просил друга принять лучшие в Алате виноградники, но Пал сказал, что по воле Создателя он одинок и ему некому оставить богатства. Тогда господарь назначил Пала Карои пожизненным управителем Черной Алати и подарил ему замок Сáкаци и все окрестные земли.

*Хроника монастыря Святого
Ласло Алатского*

¹ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 8 ля минор.

Барболка Чёкеи любила петь, а в этот день не петь было невозможно. Особенно на лесной дороге. Близился полдень, внизу, в долине, стояла иссушающая жара, но поросшие буками склоны защищали от зноя.

Дорога была не то чтоб заброшенной, просто в будний день все при деле. Те, кто торопился на торги, проехали утром, остальные — кто в поле, кто на виноградниках, а господа по жаре не ездят, вот Барболка и пела в свое удовольствие. Слышать девушку могли разве что облака да старая собака, увязавшаяся за хозяйкой то ли со скуки, то ли в надежде перехватить в Яблонях пару косточек.

Правду сказать, отправляясь в Яблони к материнской родне, Барболка была зла на весь свет и на отца, пропившего ее монисто и оставшуюся после матери шаль, но долго злиться девушка не умела. Пьяненький родитель и лесная лачуга остались позади, светило солнце, цвела кошачья роза, синие стрекозы гонялись за мухами, и обида куда-то делась. Барболка сошла с дороги, нарвала гвоздики-травянки, соорудила себе венок и поняла, что счастлива, несмотря на папашу и жениха. Хорошего жениха — молодого, красивого, богатого. Фёруш был сыном мельника, Барболка — дочкой спившегося пасечника, за которой приданого — пара черных глаз да косища, хоть на четырех невест дели.

На свой счет девушка не обольщалась, глядеть-то на нее глядели, да женихов у бесприданницы было раз, два да и обчелся. Кто побогаче да повидней, тот или женат, или родители за хвост держат. Когда в Золотую Ночку¹ Фёруш напоил голо drankу молодым вином, мельничиха чуть собственным языком не подавилась, но сын уперся. Или Барболка, или никто. Мельник принял сторону Фёруша, и Барболка надела браслет. Серебряный, с сердоликами, любая обзавидуется. Жаль, папаша его не пропил. Тогда бы от нее все отстали.

Барболка упрямо мотнула головой и запела о веселой малиновке.

¹ В Черной Алати лето начинается в **Соловьиную ночь** (ночь Летнего Излома), осень — в **Золотую ночь** (Осенний Излом), зима — в **Темную/Седую ночь** (Зимний Излом), весна — в **Серебряную ночь** (Весенний Излом).

Белая ель

— *Птичка моя птиченька,*

— выпевала пасечница, шагая между серебристыми расписными стволами, —

*где летала,
Птичка моя птиченька, что видала?
Над горами черными я летала,
Молодых охотников я видала,
Платье в золоте у них, кони быстрые,
И летят из-под копыт звезды искрами.
Кони быстрые у них, стрелы острые
И летят из-под копыт искры звездами...*

Это не горе, что она встала на рассвете и выскочила из дома натошак. Это не горе, что ноги начинают уставать, а до Яблонь еще далеко. Это не горе, что ей не в чем идти в церковь, а Феруш носит синюю жилетку и нос у него утиный...

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся!
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...*

Жужа остановилась и тявкнула. Чего это она? Стук копыт за спиной. Всадники, и много, ну да чего ей бояться среди бела дня? Барболка отступила к обочине и обернулась. Так, из любопытства.

Человек двадцать на сытых конях, в ярких доломанах. Не иначе, в замок сакацкий гостевать едут. Рука Барболки метнулась вверх, поправляя венки. Зачем? Они сейчас мимо проскачат, только пыль и останется, а она пойдет дальше. К троюродной тетке и суженому.

Витязи уже совсем близко. Впереди, конь о конь, молоденький парнишка и седой темноусый воин. Наверное, главный. На всякий случай Барболка поклонилась. Конечно, ее не заметят, но мало ли.

Старший придержал коня и что-то велел молодому. Серый жеребец свернул с дороги. Какая богатая сбруя! Галуны на седле лучше, чем у Феруша на праздничной куртке. А уздечка золоченая, не иначе.

— Это ты сейчас пела на дороге? — голос у парня ломался, как у молодого петушка, а глаза были карими, телячьими.

Вера Камша

— Я, гици¹, — призналась Барболка, проклиная босые ноги и путающуюся в ногах облезлую Жужу.

— Господарь хочет с тобой говорить.

Господарь? С ней? Девушка вскинула подбородок и пошла вперед. Жужа твякнула и потрусилась за хозяйкой. Ну и пусть! Она не гица, а дочка пасечника, вот и ходит босиком.

— Звал, гици? — выпалила Барболка, и в эти два слова ушла вся ее смелость.

— Звал, — подтвердил проезжий, — хорошо поешь. Охотнички б вечные тебе то же сказали, хорошо поешь.

— Благодарствую, — девушка поклонилась и подняла глаза. Господарь был в годах, но хорош собой. Таких в песнях называют горными кедрами и седыми волками. Только вот смотрел как-то странно, вроде на Барболку, а вроде и мимо. А вот спутники его, те не терялись, знай себе подмигивали да подкручивали усы. Настоящие витязи, сразу видать, только куда ястребам до орла.

— Куда идешь, красавица? — Старший по-прежнему смотрел куда-то вдаль.

— До Яблонь, если гици дозволит, — выдохнула Барболка, чувствуя: сейчас что-то случится. — Тетка у меня там. Троюродная.

— Тетка? — Статный злой жеребец дернулся и всхрапнул, показывая белки глаз, но всадник с легкостью его удержал, только камни на цепи сверкнули. Дорогие камни, может, даже рубины... — А живешь-то ты с кем?

— С отцом, — нехотя признала девушка, так как питейные подвиги Гайшпара Чекеи прославили его на всю округу, — здесь, недалече.

— Недалече? — все еще черная бровь дернулась кверху. — Тут же лес кругом.

— А мы и живем в лесу, чай, не гици, — опять вздернула подбородок Барболка, чувствуя, как румянец заливает щеки. Что на нее все мужики плятятся, будь хоть седые деды, хоть сопливые мальчишки, красотка-пасечница привыкла, но отрешенный взгляд завораживал и бесил.

— Что ж, диво лесное, — красивые губы раздвинула улыбка, по всему видать, нечастая, — давай сговариваться. Мы тебя до Яблонь подвезем, а ты нам споешь.

Барболка как стояла, так и обмерла. Въехать в Яблони на одном коне с проезжим господарем было ну никак нельзя.

¹ Гици (гица) (*алат.*) — господин, госпожа.

Белая ель

— Так что скажешь, красавица? — Золотистые да гнедые жеребцы нетерпеливо переступали с ноги на ногу, звякали удила, на щеке гици был шрам, а глаза у него были черными и глубокими, как ночной омут. — Не бойся, не обидим.

— А я и не боюсь, — соврала Барболка, пытаясь поймать ускользающий взгляд, — я ж дома.

Феруш был статным и сильным, у него были кожаные башмаки и шапка с пером. И еще он был ревнивым, а мать его, как и положено мельничихе, с нечистью зналась. Она «приблуду» и так на чем свет костерит, да и тетка озлится. Гици приехал и уехал, а ей здесь жить.

Барболка тряхнула головой и выпалила:

— А и везите, что-то устала я. С вас — кони, с меня — песня.

2

Лес сменился виноградниками, виноградники — садами и показались Яблони. Как быстро! Барболка и заметить не успела, как они доехали. Нужно было прощаться, пока ее не заметили, хотя шила в мешке не утаишь. Кто-то их наверняка видел, а вот девушка не видела никого. Только настороженные конские уши да бегущую впереди дорогу.

На господаря Барболка решила не смотреть, зачем смотреть, если ей до смерти любоваться на Феруша? И потом, она и так все запомнила — шапку с орлиным пером, шрам на щеке, густые усы, глаза-звезды под сведенными темными бровями. Кто он? Куда едет? Неужто это сам Матяш Медвежьи Плечи? Только какие ж они медвежьи? Молчаливый господарь больше на волка смахивает. Или, того вернее, на горного барса.

Впереди, в зелени садов, замаячила церковь. Теперь точно приехали.

— Где тебя ссадить, красавица?

Где? Не все ли равно, жизнь ее так и так пропащая.

— Да здесь и станьте, я сойду.

Сойти ей не дали. Витязь в синем доломане соскочил с коня и бережно снял Барболку с седла. Дай ему волю, еще б и поцеловал, но пасечница умела так глянуть, что руки опускались у самых нахальных ухажеров. До сельчан девушке дела не было, все равно болтать станут и мельничихе донесут, но как бы господарь не решил, что с ней всякий закрутить может.

Вера Камша

— Спасибо, красавица. — Улыбается? Наверное, но смотреть она не будет. — Вот, возьми на сережки.

Кошель был большим, шитым золотом и тяжелым. Страшно подумать, сколько в него влезло серебра! Только бросил его не господарь, а тот юнец, что с ней заговорил у обочины. Барболка мотнула головой:

— Вы меня везли, я вам пела. В расчете мы.

Кошелек снова взмыл в воздух. Вместе с ним взмыли новая шаль, монисто, красная юбка, шитый шелками полушубок. Парень растерялся, но тяжелый мешочек все же ухватил, а господарь даже не пошевелился в своем седле. И смотрел он не на нее, а на церковь. Зачем ему смотреть на пасечниц? У него небось по красоте в каждом замке и все в замшевых сапожках.

— Прощайте, господа хорошие, — голос Барболки зазвенел, — доброй дороги вам.

— Постой, — лицо со шрамом оставалось все таким же каменным, — скажи, как тебя зовут и который год тебе?

— Отец с теткой Барболкой кличут, — буркнула девушка, — а лет после Золотой Ночки семнадцать будет.

— Ну, а я Пал Карои, — витязь зачем-то тронул саблю, — новый господарь Сакацкий. Денег тебе не надо, так возьми мое слово. Если что, приходи. Помогу, чем смогу.

— Благодарствую, — сердце девушки подскочило к самому горлу, а на щеках расцвели маки, — только не надо мне ничего.

— Не загадывай, красавица, — Пал Карои улыбнулся, но как-то невесело, — жизнь, она сегодня добра, а завтра — хуже зверя. Счастья тебе всем сердцем желаю, а в Сакаци тебя всегда примут. Хоть с отцом, хоть с мужем, хоть одну.

3

Последний витязь исчез за церковкой, и тут Барболка поняла, что стоит посреди улицы, а на нее все смотрят. Ну и кошки с ними! Девушка поправила венки и пошла вперед, прямо на двух судачащих кумушек. Прячется глупо, чем больше прячешься, тем больше болтают.

— Барболка, — запела толстая Ката, — и где ж ты господаря подцепила?

— На дороге, — Барболка то ли улыбнулась, то ли оскалилась, — подвез он меня от Лисьего ручья.

Белая ель

— И то сказать, — встряла тетушка Мэргит, — чего ножки-то бить. Ну и как он?

— Что — как? — Барболка постаралась пошире раскрыть глаза. — Господарь и господарь. В Сакаци ехал.

— И чего хотел? — Ноздри Каты раздувались, словно принимаясь к жареной колбасе.

— Песен хотел, — девушке вдруг стало смешно, — ну я ему и пела всю дорогу.

— Оно так, — глаза Мэргит стали сладкими и тухлыми, как сливовая падалица, — певунья ты знатная. Только что на мельнице скажут?

— А то их дело, — пожала плечиками Барболка, — уж и спеть добрым людям нельзя?

— А кто говорит, что нельзя? — Откуда взялась мельничиха, Барболка не поняла. — Ты, дочка, пой, пока поется. Добрым людям на радость.

Скупердяйка Магна назвала ее дочкой? Девушка, не веря собственным ушам, уставилась на будущую свекровь, а та разублалась не хуже Мэргит.

— Пойдем, дочка. Дела у нас. А вам тут счастливо оставаться.

Барболка пошла, чувствуя, что увязает в гнилых сливах все глубже и глубже. Ее не ругали, наоборот, но от этого было еще хуже. Мельничиха затащила ее в лавку к кривому Петё и принялась выбирать сукно. Девушка стояла, не зная, что сказать. Больше всего хотелось выскочить на улицу и припустить бегом из ставших вдруг склизкими Яблонь, но куда ей бежать? К отцу на пасеку?

— Тебе нужно красное, — пыхла Магна, выговаривавшая сыну за алую ленту в косе невесты, — красная юбка, шитая золотом. И сапожки тоже красные. И монисто. И эту синюю, с ягодами, тоже возьмем...

— Матушка, — выдавила из себя Барболка, — не надо... Меда в этом году неизвестно сколько будет.

— Забудь, — бросила мельничиха, роясь в коробке с гребнями, — ты — невеста Феруша. Нельзя тебе в обносках ходить!

— Благодарствую. — Барболка поймала на себе взгляд Петё и чуть не запустила в лавочника его же горшком. — Не надо... Дорого ж.

— Не дороже денег, — проворковала знаменитая своей скупостью Магна, расплачиваясь со сладкомордым лавочником и подхватывая будущую невестку под локоток. — До Соловьёиной Ноч-

Вера Камша

ки всего ничего, нужно успеть тебя обрядить. А то перед господарем стыдно будет.

Перед господарем? Барболка не поняла, произнесла она эти слова вслух или нет, но перед глазами встало худое строгое лицо, и девушке захотелось взвыть в голос. Матери Феруша было не до сыновней невесты, она следила за руками Петё — упаси Создатель отмерит на палец меньше. Барболка с тоской глянула в распахнутое оконце. На дворе Жужа обнюхивалась со злоющим цепным кобелем, в пыли копошились куры, на заборе, наблюдая за суетливыми женами, расправлял крылья петух. Мимо распахнутых ворот проехал возчик с бочками, прошли два винодела и кузнец.

— Помогай, дочка, — пропела мельничиха, примериваясь к узлам. Барболка послушно подхватила свалившееся на нее богатство. На невзятые деньги она бы купила в десять раз больше. Петё суетился, открывал двери, цыкал на пса. Петух на заборе прикрыл один глаз и издевательски заорал.

— А я... — Барболка поудобней перехватила узел, — я думала, вы с Ферушем ругаться станете.

— Вот овца дурная, — хмыкнула мельничиха, — что я, сыну своему враг? Пока у тебя всего добра было пьянычка да сучка, не хотела я тебя в дом пускать. А ты господаря нового прихватила! Слышала я, как он тебя в Сакаци зазывал, да не просто, а с мужем. Старая кровь за молодую дорого дает.

— Матушка, — у Барболки который раз за день заплыла щеки, — не взяла я его денег. И не возьму.

— А и правильно, — кивнула мельничиха. — За песни он тебе серебро давал, за рубашку Ферушу золото выложит, а чтоб не понесла ты, когда не надо, я тебе травку дам. Хорошая травка, на себе пробовала.

— Матушка! — Ну за что ей такое? — А что... что Феруш скажет?

— А что ему говорить-то? — удивилась Магна. — Не нами заведено, не нами и кончится. Гици любую невесту взять может, только чтоб рубашку выкупил.

Они шли мимо харчевни, их все видели — люди, лошади, пегий мул, кот на крыше. Мать Феруша считала господарское золото, а Барболка тащила за ней, волоча узлы со своим приданым. Из-за угла выполз лысый Винци, надо думать, из кабака. Отец наверняка тоже успел напиться, один рой он вчера уже проворонил. Проворонит и второй, а в Сакаци денег и впрямь куры не клюют. Она больше не бесприданница, все довольны, даже

Белая ель

Жужа. Барболка остановилась и положила проклятые тряпки прямо в сухую, горячую пыль.

— Устала? — пропела мельничиха. — Сейчас помогу.

— Не устала, — выдохнула Барболка, понимая, что назад ходу не будет, — забирайте ваши узлы. Совсем забирайте! Не нужны они мне. И браслет ваш не нужен. И Феруш. Другую покупайте и продавайте, а я вам не кобыла и не коза.

— Барболка! — завопила оторопевшая мельничиха. — Куда? Сдурела?! А ну стой, кошка скаженная!

Но девушка уже мчалась по заросшей красавками и еще не жгучей крапивой улице. Все кончено, она не станет оглядываться, возвращаться, просить прощения. И упырей этих с мельницы тоже не простит. Никогда и ни за что!

Глава 2

1

Отец валялся на траве у забора, доползти до дома он не смог, ну и пусть его! Барболка была сильной, зимой она бы затащила пьянчугу в дом, как это делала не раз, но стояла почти летняя жара. Девушка с отвращением отвернулась от храпящего родителя и оглядела убогое хозяйство. Подумать только, еще четыре года назад они жили не хуже других, потом умерла мать, и отец запил пуще прежнего. Не с горя, от лени...

Подошла Жужа, заскулила. Хочет есть. Барболка размочила хлеб в остатках похлебки, вынесла собаке и села за дощатый, вкопанный в землю стол, подперев щеки руками. Она давно подумывала уйти, но кому нужна пасечница? Податься в город в служанки? С ее косами ни одна хозяйка в дом не пустит. Остаются харчевни, а там пьяные гости, да и трактирщики с работниками не лучше. Попробуй уйми, да так, чтоб тебя в первый же вечер не выставили.

Жужа оторвалась от вылизанной до блеска миски и завалила хвостом. Хорошо ей! Девушка вернулась в дом, отыскала желтую праздничную юбку, посмотрела на свет. Пятна и прожженные отлетевшими угольками дырки никуда не делись. На праздник такую не наденешь, а новую взять негде. Барболка немного подумала и отправилась за материнским платком, таким дряхлым, что даже отец не сумел его пропить. В юности мать была краса-

Вера Камша

вицей, жизнь превратила ее в сухонький стручок, и с ней будет то же, если не хуже. Молодость и красота — они уходят, но пока еще весна!

Барболка потрепала по голове твякнувшую Жужу и принялась кромсать старенький атлас, вырезая то ли звезды, то ли гвоздики. Приложила к пятнам, получилось даже лучше, чем думалось. Никогда не скажешь, что под черными лепестками прячется что-то непотребное. Девушка бросилась вдевать нитку в иголку — через минуту она вдохновенно шила, напевая о черноглазом витязе:

*Темной ночью встречу я его,
Никому о встрече не скажу.
На дороге слышен стук копыт,
Это скачет милый мой ко мне...*

Отец спал, Жужа тоже, гудели предоставленные самим себе пчелы, неистово цвела калина, ветер играл белыми лепестками. Она не пойдет в Сакаци, нечего ей там делать! Пасечница подарю неровня. И не возьмет она ничего, пусть не думает, что Барболка Чекеи побежит за любым, кто мощной тряханет. Эх, был бы Пал Карои простым витязем или хотя бы удальцом-разбойником, что агарийских кровопийц по лесам караулят...

*На рассвете милый мой уйдет,
Я его до леса провожу.
Никому о встрече не скажу.
Буду снова темной ночи ждать...*

— Барболка!

— Феруш? — девушка с нескрываемым удивлением уставилась на бывшего жениха.

— Ты браслетами-то не кидайся, — молодой мельник протянул Барболке знакомую вещичку. — Мать, она того... Зря она.

Девушка отложила шитье и встала. Феруш улыбался, Жужа остервенело крутила хвостом, надеялась на подачку. Выходит, все как шло, так и идет? Ничего не было — ни седого господаря на дороге, ни песен, ни ссоры с Магной. Она снова невеста Феруша, ей не нужно идти в наймы. Надо только вильнуть хвостом и получить косточку и муженька.

Барболка осторожно взяла браслет; он был теплый, как молоко из-под коровы... Как же она ненавидит парное молоко!

Белая ель

— А что мать говорит?

— Злится, — признался Феруш, — ну да у отца с ней свой разговор. Он-то ее с довеском взял. С того и мельница у нас.

— Вот оно как... — протянула Барболка, не зная, что говорить.

— А с тобой мы так и так окрутимся, — заверил Феруш, — я, чай, не голодранец. Кого хочу, того и беру.

Он-то хочет, а вот она? Барболка смотрела на статного крепкого парня. Молодой, богатый. Нарядная безрукавка, дорогие сапоги, круглое лицо, русые кудри... Красавец не красавец, а лучше найти трудно.

— Я мамаше сразу сказал, — отрезал Феруш, — так, мол, и так, хоть лопайтесь, а Барболкину рубашку¹ на заборе к Соловьиной Ночке повешу.

— Повесишь, значит? — расхохоталась Барболка. Она сама не поняла, как это случилось, просто запершило в горле, и смех рванулся наружу. Девушка зажимала ладонью рот, кусала пальцы, но остановиться не могла.

Феруш замолк на полуслове, вытаращив глаза, отчего стало еще смешнее.

— Ты что?

— Ни... ничего, — выдавила из себя Барболка, пытаясь совладать с охватившим ее смехом, — ой... повесишь... ха-ха-ха!..

Лицо Феруша стало медленно белеть, это смешным уже не было. Совсем.

— Ты уже? — выдохнул Феруш, сжимая и разжимая кулаки. — Уже?!

— Ты чего? — пробормотала Барболка прерывающимся голосом.

— Ты ему дала? — Феруш сделал шаг вперед, лицо его было белым, а шея красной, как у рака ошпаренного. — Господарю тому подлому?

— Сдурел? — не очень уверенно произнесла девушка. — Белены объелся?

— Я тебе покажу «сдурел»!

Парень ухватил Барболку за талию и рывком притянул к себе. Больно, неумело, грубо. В нос ударил запах пота, лука и чего-то

¹ Алатский обычай. Если невеста — девственница, ее окровавленная рубашка вывешивается на заборе, чтоб об этом знали все. Если девушка потеряла девственность по вине местного господаря, тот платит мужу за рубашку выкуп, после чего никто не имеет права попрекать молодую женщину, что она «себя не соблюла».

еще, сразу сладкого и кислого. Барболка дернулась, но горячие руки вцепились в нее еще крепче. Ноздри Феруша раздувались, ставшее вдруг незнакомым лицо пошло красными пятнами, мокрый, пакостно пахнущий рот впился в Барболкины губы, девушка всхлипнула, пытаясь оттолкнуть набросившегося на нее зверя, но тот лишь урчал, наваливаясь все сильнее. Затрещало, разрываясь, сукно, запах стал нестерпимым. Барболка сама не поняла, как ее зубы сжались на чем-то склизком и мягком, раздался вой, хватка ослабла, девушка рванулась и оказалась на свободе.

Феруш тряс головой, изо рта вытекала алая струйка. На чело-века он не походил. Барболка прикрыла руками вырывавшуюся из разодранной сорочки грудь и отступила к сараю. Ее трясло, ноги не слушались, рядом оказалась колода для колки дров, а в ней — топор. Барболка не подняла его, нет, только глянула. Она не понимала, что у нее перед глазами. Она вообще ничего не понимала!

— Вот так, да?! — орал Феруш. — Убить хочешь? Сучка! Ты ему уже дала, уже! И выжлятникам¹ евойным, а мне не хочешь?!

Девушка молчала, тиская фартук. Зверь в сапогах и синей безрукавке сжимал кулаки и тяжело, хрипло дышал. Лицо исчезло, осталось какое-то рыло. Отвратное, пористое, блестящее от пота.

Барболка ухватила топор:

— Только сунься!.. Бык скаженный!

Бык сунулся. С каким-то то ли ревом, то ли всхлипом он бросился вперед, споткнулся на случайном полене, упал, с руганью вскочил, растирая ушибленную ногу. Барболка глянула на дверь хибары. Запереться? Еще подпалит! Лучше в лес, там ее не поймать.

Не выпуская топора, девушка метнулась вдоль забора к лопухам, за которыми была дыра. Как хорошо, что ее не заделали!

— Сучка господарева, — проорал Феруш, — все равно раскатаю!

— Уходи! — Барболка махнула тяжеленным топором, словно платочком, лихо свистнул рассеченный воздух. Охотнички вечные, как же это она?

— Ну... тебя... сейчас...

Если он догонит, она ударит... как есть ударит.

— Не подходи!

— Подстилка господарская!

— Ты чего творишь, хряк недоделанный?!

¹ Выжлятник — псать, приставленный к гончим.

Белая ель

Отец! Проспался! Этого еще не хватало. Гашпар Чекеи был силен, как медведь, а спяну сила эта дополнялась звериной злобой. Феруш был не из слабых, но пасечник отшвырнул его, как шелудивого щенка. Парень шлепнулся на землю у покосившегося — никак не доходили руки починить — сарая и сел, смешно разинув рот. Громко и визгливо залаяла Жужа. Папаша выхватил из кучи дров полено поухватистой и с ревом пошел на незваного гостя.

— Сопляк шляпчатый, — здоровенный обрубок порхал в отцовских ручищах, как птичка, — да чтоб тебя... и через нос, и через ухо. А Магну твою я в ... и к... Задница крысиная, да...

— А твоя Барболка... — взвизгнул Феруш, выхватывая нож, — да ноги ее в Яблонях не будет... Сучка порченная, я...

— Ах ты, выкормыш свинячий! — Полено взмыло вверх и обрушилось на голову жениха, из носа брызнула кровь, но Феруш не растерялся и наудачу махнул ножом. Пасечник отбросил дубинку, ухватил парня за плечо и добротный воловий пояс. Феруш взлетел не хуже давешнего полена. На сей раз ему было суждено отправиться в крапивную чащу, окружавшую заброшенный мужник. Нож Феруш выронил в полете, но сдаваться не собирался. Дурень с бранью вскочил и бросился к подпиравшему дверь лому. Гашпар расхохотался и ухватил подвернувшийся дрын. Отчаянно взвыла Жужа. Барболка выронила топор, зажала руками рот и бросилась к заветному лазу.

2

За спиной рычали озверевшие мужчины, но девушка мчалась куда глаза глядят отнюдь не от страха. Это была не первая драка, которую она видела, случалось ей и бросаться между пьяным отцом и матерью, и выуживать расходившегося родителя из кабацких свар, но то было другое. Теперь Барболка чувствовала себя вымазанной в самой вонючей и липкой грязи, какая только может быть. Да неужто она собиралась прожить с Ферушем всю жизнь?! С Ферушем, его матерью, его отцом на мельнице, которой вештский гици расплатился за свои забавы? И Магна еще глядит на нее свысока?! Да пошли они все...

Лес, как всегда, гасил и ярость, и страх. Убаюкивал, окутывал зеленым покоем. Вот так бы идти и идти и никогда не возвращаться. Барболка остановилась на любимой ландышевой поляне, посреди которой росла огромная шатровая ель — переси-

Вера Камша

дишь ливень и не заметишь. Недалеко от ели лежало несколько валунов, меж которых пробирался ручей, и девушка старательно смыла с себя поцелуй Феруша, переплела волосы и в который раз за последние дни задумалась о своей доле.

— Ты не поешь? Почему? — голосок был детским и капризным. — Спой, мне нравится.

Барболка подняла голову и на соседнем валуне обнаружила растрепанную девчонку лет десяти, совсем голую, если не считать длиннющих черных волос, на которых топорщился веночек из ландышей, да на шейке блестела серебряная звезда-эспера. Откуда она у нее?

— Спой, — повторила девочка, надув губы, — а то ску-учно.

— Не поется, — вздохнула Барболка, с удивлением разглядывая странное создание. Солнце стояло высоко, Барболка видела собственную тень и рядом вторую — маленькую, кудлатую. Закатные твари средь бела дня не разгуливают, выходцы тем более.

— На! — Лохматое чудо сдернуло свой веночек и протянуло Барболке, которой ничего не оставалось, как надеть его на голову. — Ты красивая, ты мне нравишься.

— Ты тоже красивая, — засмеялась пасечница, ничуть не погрешив против истины. Личико девочки было точеным, в голубых, как небо, глазах плясали ясные искры.

— Ты кто?

— Я.. — Барболка замялась, голышка не казалась опасной, но имя кому попало не называют, особенно в лесу, — я с пасеки, а вот ты кто?

— Я здесь танцую. — Тоненькая ручка ухватила Барболку за запястье. — Хочешь потанцевать?

Девушка покачала головой, однако незваная собеседница в ответ лишь рассмеялась и, не выпуская Барболкиной ладошки, вскочила в полный рост на камень. Барболка, сама не зная как, тоже оказалась на ногах. Они стояли на скользких валунах, держась за руки, а между ними бежал ручей.

— Видишь, как весело? — Девчонка тряхнула волосами, и Барболка услышала дальний звон колокольчиков, наверное, его донес ветер. — Почему ты не танцуешь?

Танцевать на камне среди ручья, да еще когда тебя держат за руки?!

— Кто тебя держит? — В волосах девчонки вновь белели ландыши. — И кого держишь ты?

Белая ель

— Никого! — огрызнулась Барболка и вдруг увидела Феруша с искаженным от ярости лицом. Парень показался из-за ели, в руке его был нож. Барболка не выдержала и закричала.

— Фу, — девочка свела бровки, — он плохой. Иди вон! Вон!

Феруш остановился, словно налетел на невидимую веревку, покачнулся и исчез.

— А теперь? Теперь тебе весело? Теперь ты будешь танцевать?

Весело? Феруш исчез, но все равно было плохо... Все равно! Потому что седой витязь — господарь сакацкий, а она — пасечница!

— Идем танцевать, — маленькая проказница вновь вцепилась в руку, — ну идем же!

Девушка сделала шаг, еще один, еще... Ландыши пахли все сильнее, тени были черными и четкими, словно в лунную ночь.

— Спой, — потребовала лохматая непоседа, — только веселое!

А почему бы и не спеть?

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся.
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково.*

А радуга в самом деле зажглась, дождя не было, а радуга горит, первая радуга в этом году.

— Танцуй! — кричала девчонка, и они кружились, взявшись за руки, и вместе с ними кружилось небо с облаками-птицами.

— Танцуй! — Радуга раздвоилась, сквозь нее пролетела птичья стая!

— Танцуй! — В разноцветном вихре мелькнуло худое орлиное лицо со шрамом на щеке.

— Танцуй! — Это не птицы, птицы не смеются, у них нет рук, только крылья.

Танцуй, танцуй, танцуй!..

3

— Барболка! — кто-то ее тряс, потом девушка почувствовала у своих губ горлышко фляги и отпила жидкого сладкого огня.

— Жива! — голос, такой знакомый, и как же нежно он звучит. — А я уж невесть что подумал.

Вера Камша

«Я»? Кто «я»? Девушка приоткрыла глаза и увидела Пала Карои! На этот раз седой господарь смотрел Барболке прямо в глаза и лукаво улыбался. Светила луна, одуряюще пахли ландыши, так они еще никогда не пахли. Уже ночь? Какой странный сон ей снился.

— Что ты тут делаешь? — Сакацкий господарь отбросил фляжку и уселся на камень, подогнув под себя одну ногу. — Что-то случилось?

— Ничего, — заверила Барболка и тут же вспомнила про разорванную блузку. Девушка торопливо вскочила, прикрывая руками грудь.

— Тебя что, кошки рвали? — покачал головой Карои, его глаза больше не смеялись. — Или хуже?

— Феруш, — призналась Барболка, — только я сбежала от него. Укусила и сбежала!

— Укусила, — господарь поднял темную бровь, — кошечка закатная. И как же ты его укусила?

— За язык. — Что за чушь она несет, что гици о ней подумает?!

— Что же он делал, — удивился господарь, — что ты его за языкхватила?

Ответить Барболка бы не смогла, даже если б захотела, потому что ее руки каким-то образом оказались на плечах Пала Карои, а губы гици приникли к ее губам, и как же это было дивно, только слишком быстро кончилось. Господарь отстранился и, склонив голову к плечу, разглядывал задыхающуюся Барболку, словно диковину.

— Так было дело?

Так?! Сравнил жабу с ласточкой! Девушка замотала головой, не находя слов.

— Что же ты не кусаешься?

Он был рядом, он был совсем другим, не таким, как на дороге. И она тоже была другой. Тогда он давал деньги, она не брала. Тогда рядом было два десятка витязей, и все глазели на нее. Все, кроме господаря.

— Так что же ты не кусаешься? — повторил Карои, стягивая с плеча девушки злополучную кофтенку и осторожно касаясь губами кожи. — Не хочешь?

— Нет. — Было непонятно, чудесно и страшно, и Барболка не знала, что хуже — если он уйдет или если останется.

— Нет? — бровь снова взмыла вверх. — Но почему? Потому что тебе хорошо или потому что плохо?

Белая ель

— Когда хорошо, даже кошки не царапаются! — выпалила Барболка, обомлев от собственной смелости.

— Царапаются, — расхохотался господарь, сильные руки толкнули девушку, она не удержалась и упала в ландыши. — Еще как царапаются. И кусаются. А еще они мячуют. Ты будешь мяукать?

Как хорошо, что она сбежала от Феруша. Как хорошо, что уснула на этой поляне. Как хорошо, что Пал Карои ходит теми же тропами!

— Я все сделаю, как гици хочет, — прошептала девушка, — все...

— Ты сказала, — он посмотрел ей в глаза, — а я слышал. Сними все, что на тебе, и отпусти волосы, пусть летают.

Барболка кивнула. Вот так и бывает: знаешь же, что нельзя, а не можешь остановиться. И не хочешь.

Юбка упала к ногам темной лужицей, рядом легла многострадальная кофта. Как же она все это завтра наденет?

— Расплети косу. — В лунном свете он был совсем молодым и невероятно, невозможно красивым.

Барболка лихорадочно вырвала и отбросила ленту, которой так гордилась, налетевший ветер подхватил освобожденные пряди.

— Волосы — это твои крылья, — засмеялся Пал Карои, — их нельзя связывать, их нельзя резать.

Крылья? А разве она сейчас не полетит к огромным пляшущим звездам? Полетит!

— Ты рада? — Почему ей казалось, что у него черные глаза. Они светлые, как лунные озера. — Тогда зачем плачешь?

Разве она плачет? Не может быть, это роса!

— Весной не плачут. Весной поют. Всему свое время, пойми это и будешь счастлива.

Она и так счастлива, безумно, невозможно, неповторимо.

— Любишь?

— Гици... Мой гици...

И неважно, что про нее скажут... Пусть... Сейчас весна, какое ей дело до осени?! Сейчас он с ней, сейчас он здесь...

— То, что мне назначено, я взял, — губы господаря коснулись сначала одного соска, затем другого, — а остальное — мужу. Или мне, если придешь.

— Приду, — выдохнула Барболка, цепляясь за горячие плечи, — куда скажешь, когда скажешь...

— Смотри же, — господарь шутливо коснулся пальцем губ девушки, — я долгов не прощаю.

Ручеек звенел совсем близко. Барболка подняла разламывающуюся голову. Все осталось на месте — шатровая ель, ландыши, камни, родник, не было только господаря Карои. И не могло быть. Седой витязь ей приснился, отчего же так худо? Неужели от того, что она уснула среди ландышей?

Цветы вчера так сильно пахли, а она позабыла, что эти нежные белые колокольчики ядовиты. Девушка кое-как доковыляла до родника и поняла, что тень от ели смотрит совсем в другую сторону. Выходит, она проспала чуть ли не сутки, хорошо, что вообще проснулась. Нужно бежать домой, объясняться с папашей, идти за хлебом и молоком. В Яблони им теперь ходу нет, остаются Колодцы, потому как в Сакаци ноги ее не будет, хоть он и ближе.

Девушка еще раз хлебнула воды и встала. Елка с длинной острой тенью, белые цветы и кусты кошачьей розы немедленно начали кружиться. Больше она никогда не уснет на поляне с ландышами. А это что такое? Барболка с ужасом оглядела свои пожитки, на которых лежал белый венок, и только сейчас поняла, что стоит в чем мать родила.

Как же так?! Она не плела венки и не раздевалась, все было сном, сном о том, чего никогда не будет. Случись все на самом деле, осталась бы кровь. Нет, она просто сорвала одежду, когда смывала в ручье запах Феруша, а потом уснула, и ландыши выпили память. Недаром их запрещают приносить в церковь!

Барболка окончательно изувечила и без того разодранную кофту, намочила отодранный лоскут, обвязала раскальвающуюся голову и принялась натягивать влажную от росы одежду. Охотнички вечные, на кого она похожа, хотя кому какое дело! Отец не заметит, даже если она голой будет, а Феруш давным-давно на мельнице, и хорошо! Она этого скота видеть не желает и через порог! Барболка нагнулась, подняла венок и решительно нахлобучила на голову. Пусть все было сном, она Леворукому поклонится, лишь бы увидеть седого гици еще раз.

Глава 3

1

Чего-чего, а того, что мельничиха заявится на пасеку, да еще и не одна, Барболка не ждала. Принесли закатные твари! Девушка хмуро цыкнула на путавшуюся в ногах Жужу, обтерла руки перед-

Белая ель

ником и вышла встречать незваных гостей. Голова так и не прошла, в горле першило, знакомые лица казались жуткими харями, да еще в доме шаром кати. Ни закуски путной, ни выпивки!

— День добрый, Барболка, — яблонский староста Ласло поднял шляпу, — и что ты такая бледная?

— Побледнеешь тут, — огрызнулась Барболка и опомнилась: — День добрый, дядька Лаци. Проходите, только не ждали мы гостей.

— Оно и видать, — влезла вездесущая Ката, — небогато живете, хоть порядок бы навела.

— Помолчи! — цыкнул на толстуху староста. — Тут дело такое, Барболка. Феруш пропал, говорят, к тебе он собирался.

— Был он здесь, — чего запирается, папаша выползет, все одно разболтает, — да больше нету.

— Нет, говоришь? — осклабилась Ката. — А не врешь? Парень он видный, мог и задержаться.

— Мог, да я ушла, — отрезала Барболка. — В лес. Уж лучше кабан, чем ваш Феруш.

— Зенки твои бесстыжие, — завопила молчавшая до этого Магна, — подстилка господарская...

— От подстилки слышу! — К глазам подступили слезы, но Барболка не дала им ходу и даже уперла руки в боки не хуже мельничихи. — Свою рубашку продала, за мою взялась, да не вышло! Я — девушка честная, любовь на серебро не сменяю!

— Да вы послушайте! — Магна подняла толстые руки вверх, блеснул дутый золотой браслет. — Вы только послушайте, люди добрые, что эта стервь несет?! Совсем совесть потеряла. На чужом коне в Яблони въехала, все видели!

— Уж лучше на чужом коне днем, чем на вештской мельнице ночью! — хохотнула Барболка. — А задаром ты мужу своему и через порог не нужна была!

— Что ты сказала?! — мельничиха поперла грудью вперед. — Змеюка лупоглазая!

— Я-то лупоглазая, а твои зенки днем с огнем не разглядишь!

— Та замолчите! — рявкнул староста и тут же убоялся собственного рыка. — Тут дело такое... Барболка, ну ее, мельницу, Феруш-то пропал. Куда?

— Нанялась я козлов пасти. — Девушка перевела дух и утерла рукавом пылающее лицо, только что было холодно, теперь стало жарко. — Я побежала, а он с папашей остался.

— Ой, а Гашпар-то где? — пропела Ката. Так вот с чего ее принесло! Отец пьяница-то пьяница, да вдовец, а Кате мужик до за-

Вера Камша

резу нужен. Вот бы и впрямь спелись, а их бы с Жужикой в покое оставили!

— Спит он. — Барболка медово улыбнулась: — Сейчас разбуду. Да вы на двор заходите. Под вишню, лавка там. Что в воротах торчать?

Дядька Лаци важно вступил в скрипнувшую — с осени не мазили — калитку, Ката сунулась следом, мельничиха трошки промедлила, но вошла, брезгливо закусив толстую губу и подобрав цветастые юбки. Дура, сухо же!

— Что ж ты, Барболка, хотя б курей не заведешь? — заныла Ката, у которой на дворе петух на гусака наступал да по уткам топтался.

— Чтоб пчел не поклевали, — отрезала пасечница. Эх, были ведь у них куры. И козы были, и кобылка, да все в кабаке потонуло.

— Кого Леворукий принес? — папаша уже стоял в дверях хиба-ры и яростно скреб кудлатую голову. — Чего надо-то? Меда нет!

— Гашпар, — староста почуял, что надо брать дело в свои руки, — не скажешь, куда Феруш подевался?

— Феруш? — Отец зевнул, показав крепкие зубы. — Какой такой Феруш?

— Мой Феруш, — Магна тиснулась вперед, морда белая, а шея красная, как у сыночка, кошки б его разодрали, — был он здесь, девка твоя призналась.

— Был да сплыл, — папаша снова зевнул, — накостылял я ему, паршивцу, чтоб к Барболке не лез. Не про него товар.

— Да что ты такое несешь? — взъелась мельничиха... Пасть! У нее такая же пасть, как у Феруша... И луком из нее наверняка так же несет. — Совсем стыд пропил!

— Что пропил, не твоего ума дела, — набычился папаша, — а у тебя стыда отродясь не водилось. Замуж шла, брюхо на нос лезло!

Магна кинулась вперед, выставив скрюченные лапы в позолоченных кольцах. Ката повисла у нее на спине, староста сплюнул, папаша захохотал и подкрутил все еще темный ус. Жужа на всякий случай забилась под покосившийся стол и неуверенно твякнула.

Мельничиха билась в объятьях Каты и дядьки Лаци, проклинавшая пасечника, его дочку, Жужу, пчел, дом и мало что не крапиву у забора. Она вопила, а Барболка смотрела на беснующуюся бабу, которая никогда не станет ее свекровью, и не понимала, как взя-

Белая ель

ла по осени этот проклятуший браслет. Уж лучше сдохнуть в этой развалюхе, чем жить с Магной и Ферушем под одной крышей. Да какое там под одной крышей, на одной улице и то тошно.

Порыв ветра сорвал с веревки старый фартук и швырнул в лицо мельничихе. Где-то вдали зазвенели колокольчики, с вишни взметнулось облако белых лепестков и осыпало Барболку с ног до головы. Гашпар захохотал, тыча коричневым пальцем в сторону топающей ногами Магны, голову которой облепила рваная тряпка. Ката тоненько прыснула, прикрыв рот ладошкой, усмехнулся в усы дядька Лаци, а Барболке стало муторно. Так муторно, словно ее не цветами засыпало, а дохлыми мухами. Захотелось все бросить и бежать, бежать, бежать до заветной поляны, упасть лицом в ландыши, уснуть, увидеть Пала Карои и никогда не проснуться.

— ...твою за хвост и об стенку! — рев отца слился с тьяканьем Жужи. — Да ни гроба мне, ни могилы, если знаю, что с твоим отродьем!

— Пошли, Магна, — Ката вновь всей тушей повисла на мельничихе, — видишь, нет его тут!

— Если с Ферушем что не так, я тебя и твою девку под землей найду! — Магна вырывалась, на верхней губе блестели капельки пота. Барболка во всю ширь распахнула завизжавшую не хуже мельничихи калитку.

— Здоровьечка всем, а у нас работы немерено. Дядька Ласло, по осени заглядывайте, мед будет. Ката, и ты заглядывай, а вас, лица вештская, не прошу. Нечего вам тут делать!

2

Гости убрались, следом двинулся отец, за которым увязалась Жужа. И то сказать, дома — хлеб да каша, а в кабаке нет-нет да косточка перепадет. Папаша еще и десяти шагов не сделал, а Барболка ухватила растрепанный помазок и бросилась к треклятой калитке, словно кто-то после сегодняшнего к ним сунется. Петли перестали скрипеть, но девушке этого было мало. Барболка засучила рукава и взялась за приборку. Злость то ли на весь белый свет, то ли на себя, дуру такую, сотворила чудеса, к вечеру дом и двор было не узнать, но пасечница уже не могла остановиться. Девушка побросала в корзинку белье, выгребла из печки золу и побежала на речку. Пересыпала золой рубашки и занавески, сунула в корзине в воду отмокать и заметила, что ночь на пороге.

Вера Камша

От разбухшей после недавних дождей речки тянуло холодком и белой водооляской, у берега что-то плеснуло. Наверняка рыба. Надо поставить пару верш, мяса нет, хоть уха будет. Барболка на всякий случай привязала корзинку с бельем к ивовому кусту и побрела домой, только сейчас поняв, как устала.

Хата встретила темными окнами и тишиной — папаша с Жужей еще не вернулись, совсем сдурели на старости лет. Барболка с сомнением глянула на стоявший черной стеной лес. До «Четырех петухов» путь неблизкий, а обратно в обнимку с распевающим или сквернословящим родителем и того дольше. Да и зачем? Пьяный дорогу везде сыщет, а свалится в лопухи, так ему и надо. Делать ей нечего, старого бугая пасти всем на потеху! Мать хотя бы вещи спасала, а ей и спастись нечего.

Девушка со злостью захлопнула замолчавшую калитку и подперла полешком. Солнце село, небо на западе было ржаво-красным, и по нему неспешно ползли длинные полосатые облака, между которыми высовывал рог умирающий месяц. Смотреть в закат — дурная примета, но Барболка все равно залюбовалась. Чего ей бояться? Хуже не будет, потому что некуда.

— Мяу! — Это еще откуда? Девушка огляделась — никого. Неужто кошка забежала? Если так, она ее оставит. Та хотя бы по кабакам шляться не станет.

— Мяу, — послышалось совсем близко, — мяу, мяу, мя-яяу!

Это не кошка, кошки орут иначе. Человек это. Нашел время дурачиться!

— Мяу!

— Гей, — прикрикнула Барболка, — не дури, ты не кошка.

— Мяу-мяу! — Мяуканье перешло в хихиканье, сзади раздалось какое-то шуршанье. Барболка обернулась — пусто.

— Мяу! — теперь справа. — Мя-яу!

Охотнички вечные, где ж оно? Тут и впрямь только кошке спрятаться.

— Мяу! Дай молока!

— Да где ты, ни дна тебе, ни покрышки!

— Мяу! Хи-хи... Молока хочу!

— Нет у меня молока, выходи!

— Мяу! — Барболкина коса за что-то зацепилась... За щербатую доску! Девушка кое-как высвободила угодившую в трещину прядку, и тут ее дернуло за юбку. Раздался тоненький смех. Слово колокольчики зазвенели.

— Мяу! — Кто-то легонько шлепнул по плечу.

Белая ель

— Мяу! — Со стола упала и разбилась кринка. Старая, старше Барболки, пустая, с облупившимся рисунком. Мать в ней ставила на стол молоко, тогда у них еще были козы.

— Собери черепки, Барболка, — сказала мамка, — негоже дом запускать. Что ж вы тут без меня все прахом пустили, словно и не люди.

Мать давно умерла, но девушка послушно бросилась собирать осколки. Сгребла в кучку, взяла веник и вдруг разрыдалась, закрыв лицо руками. Из-за разбитой крынки, пропавшей Жужи, горьких материнских слов, подлой Магны, пьяного отца и... из-за седого гици, который и думать забыл о пасечнице, а зачем-то снится.

— Ты чего? — Теперь тоненький голосок казался знакомым. — Глупая! Плакать плохо.

Теплые пальчики сжались на запястьях, отдирая ладони от лица.

— Не надо плакать, — светлые глазища, взлохмаченные кудри, только в волосах на этот раз не ландыши, а цветы рябины, — надо петь. Всегда петь...

— Это ты мяукала? — зачем-то спросила Барболка. — Ты зачем пришла?

— Я забыла, — надула губки девочка, — ты меня рассмешила, и я забыла.

— Ты хочешь здесь жить? — Почему она голенькая? Только волосы до земли.

— Ты глупая, — малявка погрозила Барболке пальчиком, — жить здесь нельзя. Совсем нельзя... Я вспомнила! Пойдем.

— Куда?

— Где их нет, — гостья глянула на поднявшуюся над домом луну, — за живую воду, к живому огню... Идем, а то поздно будет.

Это сон или нет? Гаснущий закат, голышка с эсперой, мамин голос, разбитая крынка. Если сон, может, за ним придет другой сон. Про гици.

— Идем, — торопила девчонка, — не бери ничего, здесь все умерло.

— Как это? — Уйти из родного дома страшно. Даже если знаешь, что это сон. Даже если собиралась уйти наяву — вот так, сразу...

— Ты живая, — гостья склонила головку к правому плечу, — ты поешь, не трогай мертвое. Брось...

Мертвое? И в самом деле... Пчел вечером не было, даже муравьи с комарами куда-то подевались. И все-таки уходить с голым ведьменьшем на ночь глядя...

Вера Камша

— Сейчас отец придет, — зачем-то сказала Барболка, — его кормить надо.

— *«Накормлю его телом розовым, — вдруг запела девчонка, — напою его кровью алою, кровью алою, горячею».*

— Замолчи! — прикрикнула Барболка. — Это гадкая песня.

— Песня? — Гольшка ухватила за калитку и принялась на ней раскачиваться. — Песни поют, мясо едят, от беды бегут. Беги, Барболка, беги!

Шустрая тень отделилась от леса и покатилаь вперед.

— Жужа! — крикнула Барболка, первый раз обрадовавшаяся возвращению родителя. — Жужика!

Собака проскочила сквозь забор — сколько ж в нем дыр! — и молча бросилась к хозяйке. Хвост зажат между ног, глаза закрыты. Сбесилась?! Барболка завизжала и помчалась к дому. Жужа молча потрусил следом. Она не лаяла, не рычала, но от этого было только страшнее. Девушка влетела в сенцы, дрожащей рукой закрыла дверь и вспомнила о девчонке на дворе. Кем бы малая ни была, оставлять ее с взбесившейся Жужей не по-людски.

Барболка схватила кочергу и толкнула дверь, за ней не было никого — ни собаки, ни длинноволосой ведьмочки. Только рогатая луна и пляшущие тени.

3

Может, это и было сном, но не тем, который она ждала. Совсем не тем. Барболка стояла на пороге, не зная, что делать. Вернуться в дом было так же страшно, как выйти на двор. Девушку окутала странная вязкая тишина, все казалось чужим, покореженным или мертвым. Но разве забор, вкопанный в землю стол, сарай, дом могут умереть? Хоть бы летучая мышь пролетела, и то стало бы легче. Барболка отступила за порог, в холодную, заплесневевшую затхлость. Как же так? День был жаркий не по-весеннему, дом прогрелся, а тут как в сарае по осени! Девушка схватилась за огниво, но огонь высекается не хотел. Уж лучше на улицу, там хотя бы луна.

Бледный свет, осколки крынки, мокрые, покрытые мерзким налетом пятна на столе. Откуда они? Еще вечером их не было. И сарай... Когда у него просела крыша? Зиму пережила, а сейчас просела. Барболке отчего-то захотелось подпереть дверь сарая ломом, но там, где он всегда лежал, было пусто. Под ногу подвернулось полено — гнилое, мягкое, расплзающееся в труху. Все

Белая ель

мертвое, все! Дом, двор, луна... За забором чернел лес. Он живой, в нем деревья, комары, птицы!

Девушка опрометью бросилась к калитке, но та не поддавалась. Барболка изо всей силы толкнула сырое, осклизлое дерево, ничего! У поленицы зашевелилось что-то темное. Жужа! Спящая собака медленно и неровно, словно ей отдавили лапу, побрела к хозяйке, хвост исчез между ног, уши обвисли. Рука девушки метнулась к эспере, но мертвой собаке не было дела до отвращающей зло звездочки. Жужа тихонько хромала к Барболке. Мимо завалившегося набок стола, увядшей крапивы, черного вишневого ствола. У вишни была тень, у собаки не было.

Спину Барболки покрыл холодный пот.

— Мама, — прошептала девушка, — ой, мамочка!

Она помнила, что мать умерла, но это была ее единственная молитва, единственное заклятье, которое смогли произнести губы. Сжав бесполезную эсперу, Барболка пятилась к прогнившему сараю, отступая от спящей Жужа.

— Мамочка!

Что-то теплое зацепило ногу, не теплое — горячее! Уголек жизни среди мертвого пепла! Барболка сама не поняла, как ухватила рябиновую ветку. Запах зелени отбросил душную гниль, в небе мелькнуло что-то крылатое. Цапля? Какая большая!

— Вот ты где! — девчонка ухватила Барболку за руку. — Вот ты какая! От меня прячешься, а с ними играешь!

— Беги, — Барболка попробовала отпихнуть малышку за спину, — тут... тут...

— Глупая, — ведьмочка тряхнула черной гривой, — я ж тебе говорила...

— А Жуж... — Горячая ладошка зажала Барболкин рот.

— *Жужжу, кружу, никого вам не рожу*, — запела голышка, кружась вокруг старой вишни, и вместе с ней вертелась ее тень, показавшаяся Барболке крылатой, хотя на самом деле это были волосы. Девушка воровато глянула туда, где в последний раз видела собаку. Никого. Малышка остановилась — белые ровные зубки, блестящие глаза, белые цветы в черных прядях.

— Плохо тут, — девчонка сдвинула бровки, — бежим!

Больше Барболка не возражала. Приблудившееся создание было странным, но не страшным. И у него была тень, голос, глаза. Девчонка прикусила губку, босая ножка ткнула калитку, та рассыпалась в труху.

— Бежим!

Вера Камша

И они побежали сквозь замерший лес вслед за ускользающей луной. Меж ветвей мелькали какие-то тени, ветер отбрасывал назад спутанные волосы, под ноги стелилась мокрая трава, о чем-то шумели листья.

— Барболка! — ее зовут; какие тяжелые ноги, как она устала. — Да куда тебя несет, дура малохолдная!

— Отец, он там... вернулся!

— Молчи! — Кто это сказал? Девчонка? Мать? Гици? — Молчи и беги. Не оглядывайся, не думай, просто лети за луной. Луна выведет, луна и весна. Они есть, они с тобой.

— Барболка, сдурела совсем?! Родного отца не признает! Да стой же!

— Лети, забудь обо всем, лети! У тебя есть крылья, крылья и ветер. Четыре ветра не дадут тебе упасть.

У нее есть крылья? Есть, и она летит к шаловливой луне. Луна пляшет и мяучит, у нее голубые кошачьи глаза... Как она близко!

— Барболка, стой... Не то прокляну... Да стой ты, ... твою.

Лунный прыжок, лапы-лучи с серебряными когтями, дикий, надрывный визг за спиной и ветер, пахнущий медом, горячий и ласковый.

— Мы еще станцуем. Ты не забыла? Ты обещала мне песню, я подарю тебе танец. Танец с ветром!

Шум реки, рванувшаяся вверх луна, земля под ногами. Что это за замок? Высокие башни, свет, тепло...

— Ты хотела сюда, тебя сюда звали, я тебя привела. Ты будешь здесь жить! Тебе будет весело, а я к тебе приду.

Она сюда хотела? Это Сакаци?! Конечно... Река под горой, двойная башня, и здесь нет другого замка.

— Я не хочу сюда, не хочу!

— Ты не хочешь, куда хочешь, — длинноволосое создание взмахнуло ночной гривой, — и хочешь, кого не хочешь... Зачем думать? Ты танцуй. Живи и танцуй. День еще растет, иди в замок... Иди радоваться, а я приду... скоро приду.

— Я не пойду туда, — выдохнула Барболка, — там...

— Там живут, ты живая, иди туда. — Слетевшиеся светлячки кружились вокруг головки девочки, словно звездный снег. — Иди к живым. Ты не хочешь к *ним*? К тем, за воду?

За воду? Лунная река, темный мост и трое на дальнем берегу. Отец, Феруш, Жужа... По колено в тумане. Там есть туман, а здесь — нет. Какой сильный ветер... Жужа спит. Отец опирает-

Белая ель

ся о лом. Так вот почему она его не нашла! А Феруш без шляпы, и лицо у него наполовину в чем-то черном.

Резкий рывок, острые коготки, впившиеся в запястье.

— Ты — живая!.. Забудь!

Скрип ворот, топот, голоса, факелы в руках, удивленные уса-
тые лица.

— Девка, как есть девка!

— А хороша!

— Точно!

— Видать, гнался за ней кто!

— Ой, дак мы ж ее до Яблонь везли!

— Держи! Падает же!

— Ох ты ж, горюшко...

Звездный туман, запах рябины, метнувшаяся к луне крылатая
тень и теплый, мирный покой. Она живая, она дошла. Все будет
хорошо, ведь здесь ее гици...

ЧАСТЬ II

F. Liszt. Ungarische Rhapsodie Nr 2¹

«Алаты по натуре своей суеверны, замкнуты и склонны к ереси и демонопочитанию. Особенно это относится к жителям Горного Алата, также называемого Черным. В сих краях доселе встречаются примеры самого отвратительного колдовства, от коего местные жители предпочитают обороняться не молитвой и покаянием, но прося защиты у богомерзких демонов, отдавая тем самым себя Врагу...»

**Поучения святого
Стефания Кривонского**

Глава 1

1

Красные с золотом бабочки казались живыми, и молодая хозяйка счастливо улыбнулась. Сын Миклоша появится на свет еще не скоро, она успеет дошить полог для колыбельки. В здешних краях нет приметы хуже, чем загодя готовить детское приданое, но она все равно будет вышивать. Просто никому не скажет, для кого на бледно-зеленом шелке трепещут

¹ Ференц Лист. Венгерская рапсодия № 2, до диэз минор.

Белая ель

алые крылья. А когда она закончит полог, вышьет Миклошу его любимых золотых охотников.

С той весенней ночи, когда в одночасье ставший единственным рыцарь подхватил ее на руки, Рафаэла тонула в своем счастье. Миклош Мекчеи увез ее из отцовского дома, но это было не бедой, а сказкой. Дорога через звенящие от птичьих трелей горы, охапки луговых цветов, веселые люди в странных ярких одеждах, розовый город на шестнадцати холмах, из которых бьют родники, сливаясь в форелевый ручей, и ручью этому, приняв в себя множество рек и речушек, суждено превратиться в великую Рассанну.

Дочь агарийского герцога с легкостью сменила привычные платья на алатские, заплела две косы и стала называть рыцарей витязями. Миклош переделал ее имя на алатский манер в Аполку, и ей это нравилось, хоть и казалось странным. Жена наследника помнила отца, мать, сестер, старую акацию над засыпанным колодцем, в котором исчезли статуи древних богов, но тоски по прошлому юная женщина не испытывала. Как она могла тосковать, ведь рядом был Миклош?!

Как же он любил ее, сколько нежности было в его словах, улыбках, прикосновениях. Племянница короля свято верила, что существуют счастливицы, которым на двоих дано одно сердце, молила о любви Создателя, судьбу, старую акацию, и они ответили, послав ей Миклоша. Аполка не просто любила мужа, она боготворила его. И неукротимый Миклош платил ей взаимностью. Агарийке, само собой, намекали, что до женитьбы сын господаря не пропускал ни одной красавицы, но ведь и она когда-то боялась ехать в Алат, считая горцев варварами и еретиками.

Аполка задумчиво разложила разноцветные шелка, выбирая нужный оттенок. Легко сказать «красный», а попробуй подбери цвет крыла бабочки или сердца мака...

— Ты прямо осенняя всадница, — вошедший Миклош нежно прижался щекой к щеке жены, — вся в золоте да в багрянце.

Молодая господарка счастливо улыбнулась, отвечая на ласку, и развернула свое шитье.

— Они мне предсказали тебя!

— Жаль, у меня уже есть герб. — Миклош уселся на пол у ног жены и принялся по одному целовать ее пальцы. — Но в твою честь я построю дворец. В нем будут золотые витражи с алыми бабочками.

— Нет, — Аполка коснулась губами черных волос, — это будут золотые всадники. Такие, как ты рассказывал. На рыжих конях.

Вера Камша

— Да ты у меня демонопоклонница, — Миклош изловчился и сначала обнял жену, а затем стащил ее с кресла и повалил на себя, — я на ком женился? На агарийской принцессе или на еретичке?

— Еретичка? — прошептала Аполка, отвечая на поцелуй. — Почему?

— Потому, — расхохотался Миклош, — что святоши обозвали охотников демонами, а тех, кто в ночь Излома костры жжет, поет и пляшет, — еретиками. Нет, плясать мы, конечно, пляшем, но витражи с Золотой Охотой — это слишком даже для господаря.

— Мне однажды приснилась охота, — потупилась молодая женщина, — только весенняя. Я сильно болела... Мне привиделось, что я одна в подвале, как же мне было там страшно... Но потом стена рухнула, и появились они...

— Тебе было страшно, потому что там не было меня. — Губы Миклоша скользнули по шее Анны-Паолы-Аполки, и всадники с бабочками тут же унеслись, подхваченные сладким бешеным ветром.

Аполка вновь и вновь летела сквозь вьюгу цветочных лепестков, видя лишь любимые глаза. Она не знала всех слов, которые шептал Миклош, и при этом понимала все: он бредил любовью по-алатски, она по-агарийски, но мелодия была одна — вечная, высокая, светлая, как истоки Рассанны.

Что-то легкое, как паутинка, коснулось щеки, счастливо рассмехался Миклош, и женщина открыла глаза.

— Вот так и лежи, — шепнул витязь, — я хочу запомнить. Твои волосы — почти серебро. Теперь ты будешь влетать в них осень. Смотри!

Миклош поднял светлую прядь, ему так нравилось, что у нее длинные волосы, длиннее, чем у его сестер. В серебристых волосах запуталось что-то красно-желтое. Так вот что коснулось ее щеки. Шелк!

— Как скажешь, — зеленые глаза агарийки сверкнули весенними листьями, — если хочешь, чтоб я стала рыжей, я ею стану.

— Не хочу. — Миклош чмокнул супругу в пополневшую грудь и решительно прикрыл ее недошитым пологом. — Я, знаешь ли, должен тебе кое-что сказать. Закатные кошки, ну почему, когда я иду к тебе по делу, ты такая красивая?

— А когда ты приходишь просто так? — Она готова была до бесконечности вести разговоры сразу ни о чем и обо всем, потому что это были разговоры о любви.

Белая ель

— «Просто» я прихожу ночью, — засмеялся Миклош, — темно, и я тебя не вижу. Может, и впрямь о делах лучше говорить по ночам, а днем мы найдем чем заняться и без этого... Хотя нет, отец не даст.

Наследник Матяша легко поднялся с ковра из медвежьих шкур и с улыбкой взглянул на жену, отчего по ее телу пробежала теплая волна. Миклош погрозил супруге пальцем и вздохнул:

— Мне придется уехать, а тебе остаться.

— Надолго? — выдохнула Аполка.

— На месяц, может, меньше. Может, больше.

— Возьми меня с собой, — прошептала женщина, глядя на сразу потускневший рисунок.

— Не могу.

— Это... это война?

— Глупости, — Миклош наклонился и поцеловал жену в нос, — нет сейчас никакой войны, но, если я могу скакать на тебе, это не значит, что ты можешь скакать на лошади.

— Куда ты едешь? — Не все ли равно куда. Его не будет с ней целый месяц. Как же это страшно!

— В Сакаци. Старик Карои, побратим отцов, женится. Отец ехать не может, придется мне.

— На ком женится? — пролепетала Аполка, понимая, что ненавидит этого самого Карои, к которому должен ехать Миклош.

— На пасечнице какой-то, — хмыкнул супруг. — Дошлая, видать, девка. Железного Пала окрутить уметь надо. Отец и не чаял, что Карои себе пару сыщет, а вот поди ж ты!

2

Черная Алати была прекрасна! Миклош Мекчеи всегда любил эти края, а еще он любил дорогу и свободу, а сейчас эти два слова слились в одно. Он вырвался из столицы, впереди был целый месяц плясок, песен, старого вина и молоденьких красавиц.

Не то чтоб Миклош тяготился своим браком, могло быть много хуже, но витязь не коза и не корова, на одной траве захиреет. Развлекаться на глазах у Аполки молодой супруг не хотел — уж больно трепетной и слабенькой оказалась агарийка, такую обижать, что ребенка. Отец тоже бы не одобрил. Старик не уставал повторять, что с королевской племянницей им повезло, и был прав. Миклош мог смело гордиться изумрудными глазами жены и роскошными серебристыми косами. Если после родов Аполка

Вера Камша

избавится от своей худобы, она станет просто красавицей, но самое главное — агарийка не оказалась змеей в постели. Святоши с королем прогадали, настояв на этом браке, а тесть, того и гляди, станет не просто родичем, но и союзником.

Куда ни глянь, огорчать Аполку нельзя, но чего глаза не видят, о том сердце не болит. Миклош твердо решил порезвиться на славу. Будущий господарь всю дорогу пребывал в отменном настроении, но дальше поцелуев с хорошенькими девчонками не заходил. Зачем? В Сакаци будет все и сразу. За хороший стол нужно садиться голодным, а наследник Матяша был голоден и при этом весел. Он с наслаждением шутил со своими витязями, горячил коня при виде молоденьких крестьянок, а на переправе через разлившуюся Яблонку подхватил в седло топтавшуюся на берегу чернявую девчонку, обещавшую лет через пять стать настоящей красоткой. Малышка хохотала, била в ладоши, а потом, на середине переправы, вдруг поцеловала витязя в губы. Совсем по-взрослому. Миклош пришел в восторг и на прощанье бросил смешливой нахалке золотой.

— Вырастешь, я за тобой приеду!

— Лучше я за тобой, — фыркнула малявка, хватая подарок, — ты еще забудешь.

Миклош расхохотался и вытащил из седельной сумки жемчужное ожерелье. Ну и что, что он вез его невесте Карои? Он много чего вез, от пасечницы, в одночасье ставшей господаркой, не убудет.

— Лови! Да когда за мной придешь, не забудь надеть. А то не признаю!

— Признаешь, гици, — негодяйка ловко ухватила подарок, — ой, признаешь. — Девчонка тряхнула вороными космами и исчезла среди высоких, по грудь коню, росных трав.

— У, шальная, — одобрил Янош, — сразу видно, сердце с перцем.

Сердце с перцем — вот чего не хватало Аполке с ее вышивками и сказками. Перца! Огня, шальной улыбки, громкого смеха, острого словца.

— Эх, — Миклош пустил коня рысью, — сестрицу бы ей, старшую.

— Двух, — поправил лучший друг. — Может, свернем в село, спросим, чья такая?

Миклош на мгновенье задумался и покачал головой:

— Не с руки нам опаздывать. Пал обидится. Ну, а на обратном пути чего б и не свернуть?

Шитая белыми розанами рубашка, алые юбки с золотой каймой, золотые мониста! И это все ее! Барболка Чекеи, обмирая от восторга, примерила свадебный наряд. Если бы только господарь мог видеть свою невесту в эдаком великолепии, но Пал Карои ослеп в бою. Потому-то он и смотрел мимо, а она, дура такая, решила, что чем-то провинилась. Барболка сердце бы отдала за то, чтоб вернуть любимому глаза, но охотников излечить господаря не находилось. Это в сказках приходит на закате старик, творит чудеса и просит за них или жизнь, или красу, или сына нерожденного.

Девушка вздохнула, и тут же улетевшая было радость вновь нахлынула сверкающей волной. Пал Карои ее любит! Даже не видя лица. Услышал в дороге песню и потерял сердце. Он сам так сказал, просто из-за своей слепоты не признался. Теперь Барболка была благодарна сгинувшему Ферушу и его подлой мамаше. Если б не они и не странная поскакушка, она бы никогда не прибежала в Сакаци и всю жизнь прожила без седого господаря с орлиным лицом.

И все-таки хорошо, что она красавица. Палу никто не скажет, что он женился на уродке, у которой только и есть хорошего, что голос. А она любит его и таким, хотя жаль, что он не увидит ее в алых сапожках и венке из калины. Барболка несколько раз повернулась перед зеркалом, теперь у нее было большое зеркало, больше, чем на мельнице, подмигнула глядящей из стеклянной глубины богачке, сменила свадебные одежды на платье попроще и помчалась на кухню.

— Та все хорошо, гица, — стряпуха Моника, краснощекая и грудастая, прямо-таки сияла, — такие пироги, впору самому Матяшу.

— Что мне Матяш, — Барболка от избытка чувств расцеловала повариху, — лишь бы Палу понравилось. И какая это я тебе, к кошкам, гица? Барболка я!

— Ты — гица, — назидательно произнесла Моника, складывая на груди перемазанные мукой руки. — Что нос не дерешь, хорошо, да не всегда. Есть такие, которым по лапам не дашь, на шею сядут и поедут. А гици, думаешь, понравится, что ты со слугами чмокаешься?

— Понравится, — твердо сказала девушка, — а сколько елку рой ни зови, не зацветет. Пасечница я, а ты мне тетушка Моника.

Вера Камша

— Ты Барболку нашу с пути не сбивай, — дядька Пишта, управитель Сакацкий, вошел в поварню и принялся. — Права она. Пала господарем сабля да сердце сделали. Побратим его, Матяш, чего только гици нашему не дарил, хотел бы жабу знатную за себя взять, давно бы сыскал, да не таковский он. Сердцем искал, сердце и встретил. Не нальешь стаканчик, за жениха с невестой выпить?

— Стаканчик тебе, бочонок дырявый? — прыснула Моника. — Ишь чего захотел! Хотя... Ради такого дела и жеребец оскоромится. Барболка, выпьешь с нами?

— Ну разве чуть-чуть, — зарделась девушка. — Это папаша мой пил, а мне мамка заказывала.

— Оно верно, — похвалил управитель, — но за любовь да ласку не выпить грех.

— Гашпара так и не сыскали? — полюбопытствовала Моника, наливая в пузатые стаканы сливовой наливки.

— Как в воду канул, — важно произнес Пишта. — Мы только что землю носом не рыли. Ни Гашпара, ни Феруша. Может, и правда погань какая их прибрала, ну да нашли о чем при невесте говорить! Твое здоровье, Барболка, и чтоб у вас с Палом через год сынок был. Пей, да сразу!

Барболка послушно осушила стакан. Наливка была сладко-горькой и очень-очень крепкой.

Пишта одобрительно подмигнул и подкрутил ус:

— Молодец, гица. Совет да любовь. А скажи, крепко любишь господаря?

Барболка поставила стакан и положила руку на эсперу:

— Люблю. Слов нет, как люблю. Не жить мне без него, вот не жить, и все!..

Глава 2

1

Невеста была потрясающе, невероятно хороша. Как слепец сумел изловить такую красавицу, Миклош не понимал. Какой-нибудь тупица завopil бы, что девушка польстилась на богатство да титул, но алатский наследник разбирался в женщинах даже лучше, чем в лошадях и оружии. Барболка любила седого слепого витязя не меньше, чем его самого любила Аполка. Женщина может лгать, когда смотрит на мужа, жениха, любовника, но не когда глядит мимо других мужчин так, словно их нет.

Белая ель

Невеста Пала не видела никого, даже Миклоша Мекчеи, который к такому не привык. Нет, витязь не завидовал отцовскому побратиму, который никогда не увидит, какая дивная птица к нему влетела. Просто, глядя на стройную девушку с высокой грудью и черными косами, в которых белели цветы калины, Миклош впервые в своей лихой жизни затосковал о том, что никогда не случится.

— Ну и девка, — шепнул захмелевший Янош, — за такой хоть в Закат. Слушай, а может, Пал и не слеп вовсе?

Пал был слеп. Будущий сакацкий господарь принял на себя предназначенный Матяшу удар и свалился под ноги обезумевшим коням. После боя Карои искали всю ночь, отец поклялся похоронить побратима своими руками, но Пал оказался жив. Несмотря на жуткие раны и измятый копытами шлем. Раны зажили, но, когда витязь открыл глаза, его окружила ночь.

— Нет, Янчи, — покачал головой Миклош, — не увидит он ее никогда... Видать, тут другое что.

— Так и есть, — сотник Габор, тоже седой, подлил Миклошу вина, — песнями она взяла. Тут слепой не слепой, а голову потеряешь.

Она еще и поет! Аполка никогда не пела, только слушала других, глядя вдаль огромными зелеными глазами. Жена словно и не живет, а спит и видит сон о жизни. Она никогда не проснется, но он-то живет здесь и сейчас! Миклош Мекчеи встал, высоко подняв кубок лучшего алого стекла. Он привез три сотни таких, свадьбу переживет едва ли половина.

— Здоровье новобрачных! Будь у меня золота больше, чем листьев на деревьях, и отдай я все вам, я бы не сделал вас богаче. Что золото, когда есть любовь? Грязь под конскими копытами! Счастья вам с сего дня и до Рассвета! Радуйтесь!

Миклош выпил драгоценный мансай, не почувствовав вкуса, и с силой швырнул кубок об пол. Сверкнули алые брызги. Пал Карои поднялся, протянув руку невесте. Барболка вскочила, кровь прилила к смуглой коже, делая чужое счастье еще прекрасней и недоступней.

— Радуйтесь! — заорал счастливый Габор, разбивая пустой кубок.

— Радуйтесь... — Янчи казался растерянным, как ребенок, увидевший чудо.

Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь!

Темные усы коснулись алых губ, сверкнули золотом обручальные браслеты, полетела в сторону белая вуаль, золотые мониста,

Вера Камша

широкий, увитый лентами пояс, следом на пол одна за другой легли четыре алые юбки. Невеста осталась в длинной, вышитой белыми розами рубашке. В рубашке! Разрубленный Змей, она и впрямь девственница!

Пал Карой подхватил вспыхнувшее смуглым румянцем счастье на руки и уверенно — не знаешь, нипочем не скажешь, что господарь слеп, — понес в спальню. Под ноги молодым полетели цветы калины и листья папоротника. Громко заголосили подружки невесты, оплакивая потерю, а Миклош Мекчеи не мог отвести взгляда от черной головки в белом венке, спрятавшейся на груди высокого седого витязя. Она его любит, а он ее, и с этим ничего не поделать, будь ты хоть четырежды красавец и наследник престола!

Громко хлопнула увитая зеленью дверь, повскакавшие с мест гости плюхались назад, хватались за кубки. Виночерпии сбились с ног, Миклош пил вместе со всеми и больше всех, но отчего-то не пьянел.

— З-зздоровье молод-ддых, — выкрикнул раскрасневшийся Габор, — сына им... хорошего... К Седой ночке.

— Погоди с сыном, — цыкнул кто-то, сбросивший из-за жары доломан, — пускай наиграются... Для начала!

— Оно так, — важно кивнул Габор. — Сначала ц-ццветочки... Потом яб-бблочки.

Миклош, чудом не подавившись, проглотил тюрегвизе¹, тут же вновь протянул больше похожую на кубок стопку, которую не замедлили наполнить, но голова, как на грех, оставалась ясной. Габор с приятелем продолжали гадать о том, что творится в спальне, и вспоминать собственные подвиги. Миклош с досадой отвернулся и увидел на высоком стрельчатом окне давешнюю девчонку. Черноглазое чудо, волосы которого украшал такой же веночек, как у невесты, разулыбалось, замахало ручонками, и тут до витязя дошло, что малышка как две капли воды похожа на Барболку. Неужто сестры? А он-то думал, молодая господарка — сирота.

— Ты чего? — Янчи с немалой силой ткнул друга в бок. — Луны не видал?

— Да там малявка эта, — Миклош протянул стопку, — налей!

— Кто? — не понял Янчи, но налил.

— Та, чернявая, что у речки была, на окне сидит.

¹ Тюрегвизе — настоящий на жгучем перце и иногда еще и на травах крепкий спиртной напиток.

Белая ель

— А я думал, ты не пьяный, — удивился Янош. — Нет там никого, на такую высь разве что кошка заберется или воробей залетит.

Миклош обернулся, побратим был прав: на окне никого не было. Значит, он и впрямь напился... Ну и правильно, что делать на чужой свадьбе? Только пить.

— Гици Миклош, — старый Габор был удручающе серьезен, в усах блестели капли подливки, — пора нам.

А он и забыл, что замещает отца и в спальню идти ему, и никому другому. Сын господаря улыбнулся во весь рот и поднял поданную оруженосцем чашу:

— Пью последнюю, други, и за добычей!

Вопли, шутки, улыбки, белые зубы, черные и седые усы, смех, радость. Они рады, еще бы. Их гици наконец-то женился. На красавице-певунье. А как быть ему, привязанному к спящей на ходу бледненькой агарийке? Радоваться?! Миклош отдал чашу Габору, взял протянутую свечу и нарочито медленно пошел словно бы потемневшими переходами. Сзади шептались подружки невесты, что-то звенело, гас, уходил в никуда шум пира, но наследник Матяша будто оглох. Он готовился к тому, что ему предстоит увидеть, и все равно оказался не готов. К счастью, Пал был слеп, а Барболка прятала лицо на груди теперь уже мужа. Миклош видел только спутанные косы, в которых еще держалась белая гроздь, и смуглую гибкую шею. Как бы ей подошел жемчуг, отданный безвестной девчонке с переправы, но разве он мог знать, какова невеста отцовского друга?!

— Здрав будь, господарь Сакаци, — произнес Миклош Мекчеи и снова изо всех сил улыбнулся. — Как охотился? Загнал ли добычу?

— Здрав будь, сын господаря моего, — голос Пала был хриплым, мертвые глаза сияли рассветными огнями, — была охота веселой, да и добыча неплоха. Возьми.

Миклош взял. Расшитая белыми розами рубаха была разорвана от горловины до подола и испятнана кровью. Барболка сохранила себя до свадьбы. Как и Аполка, к которой он завтра же вернется. Потому что оставаться под одной кровлей с юной господаркой сакацкой у Миклоша Мекчеи нет сил.

2

Свечи давно сгорели, черный небесный бархат неспешно выцветал, становясь темно-синим, меж оконных переплетов показалась ясная летняя звезда, предвещающая рассвет. Господарка сакацкая

осторожно убрала с груди мужскую ладонь, откатилась на край кровати и встала. Ноги тонули в звериных шкурах, плеч касалась предутренняя прохлада. Барболка вздохнула и оглянулась на смутно белеющую постель, где лежал человек, ставший вчера ее мужем. Это не было ни песней, ни сказкой, это было больно, стыдно и неудобно. Дочка пасечника понимала, что Пал не виноват. Ей на ландышевой поляне приснилось одно, а вышло совсем другое, сны — они всегда морочат, но как же ей тогда было плохо, да и сейчас не лучше. Тело ноет, на руках синяки, и еще эта тошнота...

Молодая женщина, стараясь не шуметь, доковыляла до окна. Господарская спальня была в угловой башне на самом верху, и Барболка видела залитую туманом долину. Дальше шел лес, в котором она жила всю свою небогатую жизнь. Теперь ей, связанной на горе и радость со слепым витязем, придется жить в Сакаци. Как же она ждала этой ночи, а в памяти остались лишь страх, недоумение и желание вскочить, убежать, забиться в какую-нибудь щелку, чтоб до нее никто никогда больше не дотронулся. Если бы так было со всеми, разве бы люди пели о любви? Значит, дело в ней. Магна их прокляла из-за Феруша, теперь что другим счастье, ей — беда. И ничего с этим не поделаться, потому как отец сгинул, а если родная кровь не имеет покоя, хорошего не жди. Безмогильные сосут из родичей радость, как пиявки.

Будь у нее хоть какая-то одежка, Барболка бы выбралась из спальни и хотя б кровь смыла, но у нее не осталось даже рубашки. Как же было больно, когда Пал рванул белый шелк, аж на груди полосы остались, зато теперь никто не скажет, что сакацкая господарка себя не соблюла, только кому это нужно?! Уж точно не ей, ей вообще ничего не нужно.

Внизу что-то заскрипело, раздались голоса. Утренний холод брал свое, Барболка начала дрожать, но ложиться было страшно. Туман медленно пятился к лесу, на темной от росы дороге показался отряд. Десятка три витязей гнали коней прочь от замка. И кому это не терпится? Она-то думала, в такую рань после свадьбы все спят.

Как бы ей хотелось уехать с ними. Нет, не с ними, хватит с нее хоть мельников, хоть гици, она хочет домой... Только мертвую пасеку сожгла сухая гроза, у сакацкой господарки нет никого и ничего своего. Даже гребенки. Всадники медленно таяли в розовеющем тумане, к полудню доберутся до «Четырех петухов», а ночевать будут в Яблонях. Сельчане наверняка примутся рас-

спрашивать про свадьбу и услышат про жареных кабанов, винные бочки, господарского сына, невестину рубашку. Ката помчится к Магне, та изойдет завистью и злостью. Откуда старой ведьме знать, как заорали внизу пьяные гости, когда сын господаря вернулся к ним с добычей? Пал Карои пил вино, заливая шелковые одеяла, и поил жену, а ей хотелось выть. Правильно сказки кончаются свадьбами, потому что дальше нет ничего.

— Барболка! Барболка, где ты?

Господарь проснулся и слепо шарил по постели. Молодая женщина отскочила от окна, словно ее застали за чем-то гадким, хотя мысли тоже бывают подлыми.

— Я тут... Глядела, кто уехал.

— Ну и кто? — Розовый утренний свет заливал спальню. Медвежьи шкуры, дорогие кубки, сабли в красных ножнах. В здешних краях нет никого богаче хозяина Сакаци и никого бедней его жены.

— Кажись, сын господарский, — чужим голосом произнесла Барболка.

— Миклош? — не понял Пал. — И что ему в голову взбрело? Иди сюда.

Барболка медленно, словно под ногами были не теплые шкуры, а гвозди да битое стекло, пошла к постели, где ее ждал муж. Хорошо, что он не видит, но есть еще Моника, Габор, дядька Пишта... Ей придется улыбаться, смеяться, хлопать в ладоши. Как же трудно быть счастливой, когда хочется упасть и сдохнуть.

— Барболка, — сильная рука сжала плечо, — я тебя ничем не обидел?

— Нет! — Разве это обида, если ненароком растопчешь цветок на дороге? Обида, когда нарочно... — Нет, что ты!

— Значит, показалось, — Пал ее отпустил и улыбнулся: — Давно ничего не боялся, а теперь боюсь, пожалеешь, что со мной связалась. Надо было тебе приданое дать да замуж отпустить, а я... Старый дурак! Разве можно хватать руками песню?!

Слов у Барболки не нашлось, а хоть бы и нашлись? Голос, он тоже выдать может. Юная господарка торопливо прижалась к мужу и обхватила его за шею. Пусть делает, что хочет, что ему нравится, только бы верил в ее любовь, а она потерпит. Да пусть ее на куски режут, она никогда не сделает ему больно, потому что это безбожно.

— Барболка, — она научится смотреть в незрячие глаза, это нужно не ему, а ей, — неужто любишь? Мне правда нужна! Правда!

Вера Камша

— Люблю... Чтоб меня Феруш с отцом забрали, если вру. Нет меня без тебя и не будет!

Все было не так, как во сне, и не так, как ночью, но это есть и это будет. Барболка Карои никогда не предаст Пала, потому что... Потому что и вправду любит. Или полюбит! Таким, как он есть, живым, настоящим, а ландышевый морок развеется, забудется, улетит с горьким изломным дымом.

Глава 3

1

Миклош вернулся раньше, чем Аполка смела надеяться. Муж пробыл в Сакаци всего одну ночь и умчался назад, даже не простившись с хозяевами. Умчался, потому что его ждала любовь, и любовь эта была счастлива, но свекор мог не понять сына, а молодая женщина не хотела становиться между Миклошем и отцом.

Будущая господарка алатская заставила себя высвободиться из объятий.

— Миклош, зачем ты так быстро уехал? Господарь Карои может обидеться.

— Вряд ли. — Ей показалось или Миклош чем-то недоволен? — С такой хозяйкой рухни замок, и то не заметишь.

— Такая красивая? — улыбнулась Аполка. — Красивее меня?

— Красивее тебя никого быть не может. — Миклош поцеловал жену в губы, но глаза его остались тревожными.

— Что-то случилось? — не выдержала молодая женщина. — Ты был у отца?

— Был, — на сей раз муж даже не пробовал скрыть досаду, — признавайся, ты с ним сговорилась, пока меня не было?

— Что ты! — Какая же она глупая! Миклош день и ночь гнал коня ради встречи с ней, а она встречает его так, словно для нее главное услужить свекру. — Я господаря и не видела совсем. Ты уехал, я не жила, только ждала. Понимала, что ты далеко, и все равно на дверь смотрела... Я только не хочу, чтоб тебе из-за меня плохо было.

— Ах ты, рыбка эдакая, — расхохотался Миклош, — да разве может из-за тебя беда приключиться? Да еще со мной?! Нет, малыш, мы свои беды сами сеем, сами растим, сами собираем.

Белая ель

Только вот не выйдет мне тебе волосы заплетать. Надо в Вешани наведаться.

Так вот почему он такой злой и грустный! Опять разлука. Матяш не понимает, что они друг без друга не живут, для него главное — война да мошна. Кузнецов да стеклодувов он видит чаще жены, про витязей и говорить нечего, но Миклош совсем другой, только свекру этого не объяснить.

— Когда едешь? — Только бы не расплакаться, Миклошу и так плохо.

— Завтра утром. Может, оно и к лучшему.

— К лучшему? — Аполке показалось, что она ослышалась. — Почему?!

— Я не только отца видел, но и лекаря. Он говорит, чтобы ребенок здоровым был, ты должна себя беречь. Ты стерпишь, если я под твоей дверью скулить буду?

— Нет, — пролепетала женщина, кусая губы, — но ведь... все хорошо было.

— «Было» — не значит «будет», — голос Миклоша был твердым, но таких грустных глаз Аполка у него еще не видела. — Алати нужен наследник, и не один. Но рожать ты будешь при мне. Слово Мекчеи. Никакие гайифцы меня не удержат, пусть хоть армию высылают.

Он уедет, она это поняла. Уедет потому, что любит. Еще до свадьбы Миклош сказал, что есть соблазны, от которых можно только бежать, потому что противостоять им не в силах человеческих. Это теперь она видит, знает, чувствует каждую мысль любимого, его печаль, надежду, тревогу, а тогда она спросила, что это за соблазны. И Миклош сказал, что не может видеть ее лишь вместе с подругами или родичами. Если он не выдержит и взлезет к ней в окно, то опозорит и себя, и невесту. Любимый уехал, она не стала его задерживать. И сейчас не станет.

— Миклош, — голос Аполки все-таки дрогнул, — я не могу жить без тебя.

— Я тоже не могу, — он вздохнул, — но мы ведь не навсегда прощаемся. Вешани славится ювелирами. Я привезу тебе убор из серебра и изумрудов.

Зачем ей изумруды? Ей довольно любви, но он хочет смягчить удар.

— Спасибо, — слезы рвались наружу, но молодой женщине удалось растянуть губы в улыбке, — я люблю изумруды...

— Я знаю. — Миклош прижал жену к себе, горячие губы коснулись затылка, и тут она наконец расплакалась.

Пал склонился с седла, поцеловал свою гицу и направил рыжего к мосту. Барболка птицей взлетела на стену, провожая всадников. Муж не мог ее видеть, но он знал, что она смотрит ему вслед. Она так придумала, чтобы Пал быстрее поверил ее любви, а потом привыкла и к мужу, и к Сакаци. Когда господарь уезжал, становилось пусто, и молодая хозяйка топила разлуку в делах, благо их хватало. Замок — это тебе не пасека, одних кладовых столько, что за неделю не пересмотришь.

Последний витязь скрылся за поворотом, медленно оседала поднятая копытами пыль, монотонно трещали цикады, солнечные лучи танцевали с речными волнами. Господарка сакацкая еще немного постояла, подставляя лицо слабому ветерку, и сбегала вниз, прикидывая, с чего начать. Дел, как и всегда, было невпроворот. Барболка гордилась тем, как она управляет с немалым хозяйством, и еще больше — тем, как Сакаци принял и полюбил бывшую пасечницу. Юная гица не раз слышала, как слуги радовались, что сокол ужился с малиновкой. Она и сама радовалась, хоть и любила Пала днем больше, чем ночью, а теперь муж уехал до осени. Гици объезжает замки и села, гица ждет да дом держит. Так заведено от века, но до осени — это так долго!

— Гица Барболка, — замахал рукой конюшонок, — будете Звездочку глядеть? Дядька Имре говорит, пора ей.

— А как же, Мати, — засмеялась женщина. Она так и не приучила слуг звать ее по имени, но и слуги не вынудили господарку драть нос. Барболка Чекеи стала гицей Барболкой, только и всего. Так ее звали в замке, так ее звали в селах, так ее звал муж. Когда хотел подразнить.

Любимая кобыла Пала со дня на день должна была разродиться, но подсоленную горбушку взяла и позволила погладить себя по раздувшимся бокам.

— К утру ожеребится, — заверил конюх, — точно говорю.

— Смотри не обмани, — засмеялась Барболка, загадавшая на нерожденного жеребенка. Будет жеребчик, родить и ей первым сына.

— Чего ж обманывать, — расплылся в улыбке дядька Имре, — чай, не на базаре. Жеребчик будет!

Господарка чмокнула обалдевшего конюха в желтые усы и помчалась в винный погреб. Пересчитала новые бочки, прове-

Белая ель

дала ткачих, прогнала прихворнувшую Ратку отлеживаться и нырнула на поварню перекусить и поболтать со стряпухами.

То, что стряслась беда, Барболка поняла сразу. Потому что Моника плакала, а остальные молчали. Есть такие слезы, которые не знаешь как утереть. Барболка тихонько шагнула назад, но ее уже заметили. Тетка Магда вздохнула так, словно решила не дышать до Золотой Ночки, и прижала руки к вискам.

— Ой, гица, беда-то какая! Ой, худо худое, смертушка смертная!

Моника вздрогнула всем телом и зашлась в рыданиях, рядом тоненько заголосила остроносая Анелька.

— Да что за беда-то? — Барболка сама не знала, почему ей вдруг стало холодно, может, потому, что она загадала на хорошее. Нельзя ни на что загадывать, беда, она только и думает, как бы со спины зайти.

— Пирожка пропала, — прошептала Моника. — Илька сестренку под дерево посадила да с подружкой заигралась. Оглянулась, нет малой, только кукла лежит. Людей подняли, всю округу перерыли. Так и не сыскали...

3

В прозрачном шаре плавали алые искорки, словно там, внутри, шел закатный снег. Миклош Мекчеи хлопнул гордого своей выдумкой мастера по плечу и бросил ему золотой. Стеклодув с достоинством наклонил голову, принимая награду. Не то что какой-нибудь агар! Тот бы плюхнулся на колени и стал лобызать господарские сапоги.

Да уж, послал Леворукий соседшек. Не друзья, не враги, а рабы во всем. Хоть в молитве, хоть в любви. Аполка глядит собачьими глазами и скулит. И будет скулить год за годом!

Миклош высоко поднял поднесенный ему кубок с игристым вином, выпил до дна, громко засмеялся и вскочил в седло. На сегодня — все! Он свободен и от мастеров, и от витязей, только себя самого к закатным тварям не пошлешь, как бы ни хотелось.

У моста жеребец заартачился, не желая идти вперед. Миклош тоже не хотел под душные крыши, но кто бы пустил его в одиночку таскаться по горам и долам, а созерцать подданных и пересмеиваться с друзьями надоело. Алатский наследник мог подчинить любого коня. Вороной обиженно фыркнул, прижал уши, но вошел в украшенные пляшущими поллюдьми-полуптицами

ворота. Присланный из Криона епископ который год требовал сбить богомерзкие барельефы, но местные жители предпочитали злить святош, а не древних.

Налетевший ветер растрепал волосы, принес запах полыни и звон дальних колокольчиков. Миклош соскочил с коня, кивнул на прощанье свитским, прошел в отведенные ему покои и запер дверь. Обычно сын Матяша не расставался с друзьями раньше полуночи, но сегодня не хотелось видеть даже Янчи. Витязь зажег свечу и распахнул окно, в которое не замедлил влететь предосенний ветер; Миклош слушал дальний звон и думал о жене Пала Карои.

— Гици грустит? Не надо. Ветер смеется. Смейся вместе с ним. Смейся и танцуй. Ты хочешь танцевать, и я хочу!

Она стояла на пороге. Черные кудри до пят, голубые глаза, серебряная эспера, в руках нитка жемчуга...

— Ты кто?

— Гици позабыл, а я помню! Я все помню. — Голубоглазое создание склонило головку к плечу и засмеялось, словно колокольчики зазвенели. — Я нравлюсь гици?

— Вырасти сначала, — засмеялся Миклош, — я малолеток не ем.

— Ты меня не помнишь? — надула губки незваная гостья.

— Нет, — ответил Миклош и тут же вспомнил. Не девочку, ожерелье. Он вез его на свадьбу и не довез. Значит, он спит и видит сон. Бывает.

— Ты не спишь, — засмеялась гостья, теперь глаза у нее были черными, — все спят, ты не спишь. Я не дам тебе спать.

— Вот как? — поднял бровь Миклош. — Значит, не дашь?

Порыв ветра задул свечу, смех рассыпался серебряным звоном, с неба сорвалась и покатилась голубая звезда.

— Где ты? Иди сюда!

Тишина, только на залитой луной крыше выгнула спину лохматая кошка. Витязь пожал плечами и высек огонь. Он был один, дверь заперта на засов, окно тоже закрыто. Станный сон, даже не сон — морок.

— Гици!

Барболка Карои сидела на постели в рубашке невесты и улыбалась, на смуглой шее белели жемчуга.

— Барболка!

— Гици не рад? — Алая губка вздернулась вверх. Какие у нее белые зубы, словно жемчужины. — А я так спешила.

Белая ель

— Это не ты, — резко бросил Миклош, — уходи!

— Я, — в черных глазах плясали кошачьи огни, — и ты это знаешь. Ты звал, ты хотел, я пришла.

— Уходи! — Рука Миклоша метнулась в отвращающем зло жесте. — Улетай с четырьмя ветрами.

— Поцелуешь — уйду. — Барболка засмеялась и встала. — Если захочешь.

Две тени на ковре. Его и ее, у нее есть тень и у нее есть тело — горячее, живое, желанное!

— Кто ты?

— Я — это я, ночь — это ночь, ветер — это ветер, — алые губы совсем рядом, они пахнут степью, — а ты — это ты, и ты боишься...

— Я?! — Миклош рывком притянул к себе жену Пала. — Тебя?!

— Себя, — промурлыкала женщина, — я — это ты, а ты — это ветер...

— Я ничего не боюсь!

— Тогда целуй. Крепче...

Пляшет льдистая луна, под ногами кружатся звезды, словно снег, угодивший в хрустальный шар. Миклош с Барболкой тоже звезды, вмороженные в стекло. Барболка смеется, на шее у нее синяя звезда, за плечами — крылья. Пол, потолок, свечи — все исчезает, остается только полет сквозь пронизанный ветром сон. Утром он очнется в чужом доме, утром все кончится, рассыплется пеплом, холодным, серым, горьким...

— Забудь! Забудь про утро, и оно не наступит.

— Барболка!

Треск рвущегося шелка, ковер под ногами, белый жемчуг, грудной женский смех. Он ее хотел, и она здесь, с ним. Она пришла к нему, как приходили другие. Отец, Аполка, слепой Пал, что им с Барболкой до них?! Они созданы друг для друга, они принадлежат друг другу, их ничто не разлучит — ни утро, ни закон, ни Закат...

— Миклош... Закатные кошки, да что с тобой такое! Миклош!.. Янчи? Откуда он взялся и почему так муторно?

— Миклош! Полдень уже.

Мекчеи попробовал поднять голову, одновременно тяжелую и пустую. Надо же было так напиться, хотя... хотя он же вчера не пил!

— Ты не заболел, часом?

— Сам не знаю. Дай руку.

Вера Камша

Миклош не столько встал, сколько позволил себя поднять. На полу валялась смятая одежда, засов на двери был отодвинут, окно настежь распахнуто, внизу смеялись и звенели железом воины, у них явно ничего не болело, и они собирались в Вешани. Сын Матяша сцепил зубы, поднялся на ноги и остался жив.

— Янчи, у тебя фляжка далеко?

— Смеешься?

— Почти. Дай хлебнуть, и поехали!

Поехали. Сначала — в Вешани, затем — в Сакаци, иначе он сойдет с ума.

Глава 4

1

Пала рядом не было, был страх — липкий, вязкий, отвратительный, но Барболка заставила себя войти. Она бывала в этом доме, когда молоденькой пасечнице и во сне не могло привидеться, что быть ей сакацкой господаркой. Тогда хата кузнеца казалась большой и богатой, но главным было не это, а доброта и веселье хозяев, а теперь Дорка и Тамаш потеряли двоих дочек.

Илька пропала ночью. Вечером легла, как положено, а утром — пусто. Как ушла, когда, куда, никто не слышал — ни отец, ни мать, ни братишка с сестренкой. Все спали как убитые, а у соседей выли собаки и рвались с привязи кони.

— Гица, — хмурый Габор, насилиу согласившийся взять господарку с собой, покачал седой головой, — чего тут глядеть?

Чего глядеть? Много чего. Пирошкины погремушки-тыковки, тряпичная кукла в синей юбчонке с красными ягодами, глиняная расписная кошка... Барболка зачем-то подняла с пола кожаный пояс, положила на смятую постель и вышла. У порога все еще валялся околевший кобелек, остренькая черная морда в кровавой пене, лапы свело судорогой. Отравили? Кто? Зачем?!

За воротами скулили и подвывали медвежьи гончаки, не желая заходить во двор. Чаба, молодой выжлятник, подбежал к Габору, губы парня дрожали.

— Не идут, — выдавил Чаба, — ну никак не идут, хоть волоком волоки.

— А на кой волочь? — огрызнулся Габор и оглянулся на Барболку. — Не пойдут они по следу, да и следа никакого нет, срамо-

Белая ель

тища одна! Едем, гица, нечего тут ловить, а ты, Дорка, собирайся и малых прихвати. У матери поживешь, через воду погани ходу нет.

Кузнечиха ничего не сказала, ровно не слышала. Кузнец вынес из дома девочку, передал Чабе, вернулся за мальчиком, укутал плечи жены красным платком, та не заметила. Предоставленные самим себе собаки путались в ногах псарей и жалобно скулили.

— У толстого Денеша куры передохли, — зачем-то сказал Чаба, — кроме рыжих. А петух онемел.

— Упаси Охотнички, — пробормотал Габор, — и гици, как назло, уехал.

— Монахов от Ласло звать надо, — забормотал подоспевший староста.

— А за какими кошками? — перебил помятый, как с перепоею, Петё. — Как в Колодцах овцы мерли, так монахи семь раз вокруг обошли, надымили да двенадцать фур с шерстью увезли. А овцы все одно повысдохли.

— Осоки накосить бы, — буркнул дядька Пишта.

— И рябины, она как раз в рыжину пошла.

— Мост на ночь спустить и осокой засыпать, она и обойдет...

Четыре костра, живая вода, открытые двери... Все верно, холодные гости с весны до осени не видят открытых дверей, а сквозь закрытые проходят, будто сквозь дым. И огня они не любят, и бегущей воды, а осока отводит пустые глаза от живой крови.

Кузнец взял жену за руку, та пошла за ним, как слепая... Заступнички дальние, какой же веселой Дорка всегда была, как отплясывала в Золотую Ночку в синей юбке с красными ягодами, той самой, из которой сделала потом куклу дочкам.

— Гица! Ехать пора!

Барболка еще раз глянула на опустевший дом с распахнутой настежь дверью и, сама еще не понимая зачем, побежала назад. Холодные гости следов не оставляют, холодные гости ходят своими дорогами.

— Гица Барболка!

Но Барболка уже шагнула в спальный угол. Вот она, куколка в синей юбке, а вот и сундук с одежкой. Сакацкая господарка, недолго думая, вывалила содержимое на пол. Красная безрукавка, золотой в алые птицы платок, платье в зеленых горохах, синяя юбка. Целая! И ягоды на ней другие...

— Гица!

— Постой!